

Том 1 · # 4 · 2016

ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКИ

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МОСКВА · 2016

Vol. 1 · # 4 · 2016

**URBAN
STUDIES
AND PRACTICES**

MOSCOW · 2016

ISSN 2500-1604 (Print)
ISSN 2542-0003 (Online)

Учредитель:
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
**«ВЫСШАЯ ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ»**

Позиция редакции
может не совпадать
с мнением авторов.
Перепечатка материалов
возможна только
по согласованию
с редакцией.

Журнал зарегистрирован
21 июля 2016 г. Федеральной
службой по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций. Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС 77 - 66568

Распространяется
по подписке:
Каталог агентства
«Роспечать» —
подписной индекс
80353

**Адрес редакции
фактический:**
109028, Москва,
Покровский бульв., 8,
корп. 1, оф. 415
почтовый: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 20
тел.: +7 495 725-30-70*5924
e-mail: usp_editorial@hse.ru

**Адрес издателя
и распространителя
фактический:**
117418, Москва,
ул. Профсоюзная, 33, корп. 4
Издательский дом ВШЭ
почтовый: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 20
НИУ ВШЭ
тел.: +7 499 611-15-08,
e-mail: id@hse.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

Высшая школа урбанистики имени А.А. Высоковского

ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКИ
Том 1 · # 4 · 2016

Главный редактор

НОВИКОВ А.В. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редакционная коллегия

ВАРШАВЕР Е.А. (РАНХиГС, Российская Федерация)
КОТОВ Е.А. (ВШУ им. А.А. Высоковского НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ОСТРОГОРСКИЙ А.Ю. (Архитектурная школа МАРШ, Российская Федерация)
РОЧЕВА А.Л. (РАНХиГС, Российская Федерация)
СТРЕПЕТОВ А.Ю. (ВШУ им. А.А. Высоковского НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редакционный совет

БЛИНКИН М.Я. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
АСС Е.В. (МАРШ, Российская Федерация)
ЗАМЯТИН Д.Н. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ЗАПОРОЖЕЦ О.Н. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ИЛЬИНА И.Н. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КИЧИГИН Н.В. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КОЛОКОЛЬНИКОВ А.Б. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КОРДОНСКИЙ С.Г. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КУРЕННОЙ В.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КОСАРЕВА Н.Б. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КРАШЕНИННИКОВ А.В. (МАРХИ, Российская Федерация)
НИКОЛАЕВ В.Г. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
НОВИКОВ А.В. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ПУЗАНОВ А.С. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
РЕВЗИН Г.И. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
РУБЛ Б. (Международный научный центр им. Вудро Вильсона, США)
САФАРОВА М.Д. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
СИВАЕВ С.Б. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ТРУТНЕВ Э.К. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ХЕЙНЕН Н. (Университет Джорджии, США)
ШОМИНА Е.С. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Ответственный секретарь

Петрухина А.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Менеджер редакции

Кодзокова Д.Р. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

*Редакция журнала выражает благодарность всем рецензентам,
а также персонально Гаю Арчеру за помощь в подготовке текстов к публикации.*

© Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики», 2016

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY
HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS

Graduate School of Urbanism

ISSN 2500-1604 (Print)
ISSN 2542-0003 (Online)

Publisher:
NATIONAL
RESEARCH
UNIVERSITY
**HIGHER SCHOOL
OF ECONOMICS**

The editorial position does not necessarily reflect the authors views. The reproduction of materials without permission of the editorial office is prohibited.

The journal is registered July 21, 2016 in the Federal Service for Supervision in the Area of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration of mass media PI No. FS 77 - 66568

Subscription Index:
"Rospechat" Agency – **80353**

Address:
National Research University
Higher School of Economics
20, Myasnitskaya St., Moscow,
115054, Russian Federation
tel: +7 495 725-30-70*5924
e-mail: usp_editorial@hse.ru

URBAN STUDIES AND PRACTICES
Vol. 1 · # 4 · 2016

Editor-in-Chief

ALEXEI NOVIKOV (*HSE, Russian Federation*)

Editorial Board

ALEXANDER OSTROGORSKIY (*MARCH Architecture School, Russian Federation*)

ALEXANDER STREPETOV (*Vysokovsky Graduate School of Urbanism NRU HSE, Russian Federation*)

ANNA ROCHEVA (*RANEPA, Russian Federation*)

EGOR KOTOV (*Vysokovsky Graduate School of Urbanism NRU HSE, Russian Federation*)

EVGENY VARSHAVER (*RANEPA, Russian Federation*)

Editorial Council

MICHAIL BLINKIN (*HSE, Russian Federation*)

EUGENE ASSE (*MARCH, Russian Federation*)

NIK HEYNEN (*University of Georgia, USA*)

IRINA ILINA (*HSE, Russian Federation*)

NIKOLAY KICHIGIN (*HSE, Russian Federation*)

ANDREY KOLOKOLNIKOV (*HSE, Russian Federation*)

SIMON KORDONSKY (*HSE, Russian Federation*)

NADEZHDA KOSAREVA (*HSE, Russian Federation*)

ALEXEY KRASHENINNIKOV (*Moscow Institute of Architecture, Russian Federation*)

VITALY KURENNOY (*HSE, Russian Federation*)

VLADIMIR NIKOLAEV (*HSE, Russian Federation*)

ALEXEY NOVIKOV (*HSE, Russian Federation*)

ALEXANDER PUZANOV (*HSE, Russian Federation*)

GRIGORY REVZIN (*HSE, Russian Federation*)

BLAIR RUBLE (*Woodrow Wilson International Center for Scholars, USA*)

MARIYA SAFAROVA (*HSE, Russian Federation*)

ELENA SHOMINA (*HSE, Russian Federation*)

SERGEY SIVAEV (*HSE, Russian Federation*)

EDOUARD TRUTNEV (*HSE, Russian Federation*)

DMITRY ZAMYATIN (*HSE, Russian Federation*)

OKSANA ZAPOROZHETS (*HSE, Russian Federation*)

Executive secretary

Alexandra Petrukhina (*HSE, Russian Federation*)

Manager

Diana Kodzokova (*HSE, Russian Federation*)

The Editorial Board would like to express our gratitude for the Reviewers and also Guy Archer for preparing the articles for publication.

СОДЕРЖАНИЕ

7/ О.И. ВЕНДИНА

Города на границе: испытание этнокультурным разнообразием.

Города на современных границах Российской Федерации (часть 2)

26/ О.Д. ИВЛИЕВА, А.Д. ЯШУНСКИЙ

Виртуальная урбанизация

37/ К.П. ГЛАЗКОВ

Лицензия на независимую

мобильность школьников в контексте отношений с родителями

47/ S. ROGATCHEV

The Heraldic “Theater” of Russian Cities

58/ А.В. ГОРОДНИЧЕВ

Рецензия на книгу Марка Мееровича «Градостроительная политика

в СССР (1917–1929). От города-сада к ведомственному рабочему поселку»

CONTENTS

7/ O. VENDINA

**The Cities on the Border: the Ethno-cultural Diversity Test.
The Cities on the Border of the Russian Federation (Part 2)**

26/ O. IVLIEVA, A. YASHUNSKY

Virtual Urbanization

37/ K. GLAZKOV

**The License for Independent
Mobility of Schoolchildren in the Context of Relations with Parents**

47/ S. ROGATCHEV

The Heraldic “Theater” of Russian Cities

58/ A. GORODNICHEV

Book Review

**Urban Planning Policy In the USSR (1917–1929). From a Garden City to a Departmental Workers’
Settlement, by Mark Meerovich**

О.И. ВЕНДИНА

ГОРОДА НА ГРАНИЦЕ:

ИСПЫТАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫМ РАЗНООБРАЗИЕМ.

ГОРОДА НА СОВРЕМЕННЫХ ГРАНИЦАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

(ЧАСТЬ 2)

Urban Studies and Practices Vol.1 #4, 2016, 7-25
<https://doi.org/10.17323/usp1420167-25>

Введение

Актуальная российская ситуация кардинально отличается от той, что была в эпоху Российской империи. Сегодня речь не идет о территориальной экспансии, скорее говорится о «сжати» контролируемого Российским государством пространства, сокращения ресурсов геополитического влияния и недостаточной эффективности их использования² [Цымбурский, 1993; Мельвиль и др., 2009; Трейвиш, 2009; Гранберг, 2011; Коткин, 2016]. Города бывших национальных окраин империи находятся за пределами Российской Федерации, являясь либо столицами, либо значимыми региональными центрами других стран. Метафора «границы на замке», характеризовавшая закрытость советского государства, отошла в область истории. Сегодня значительная часть российской границы относительно прозрачна, на многих ее участках установлен безвизовый режим, способствующий активным перемещениям людей и товаров. «Новое» российское пограничье, возникшее после распада СССР, не отличается высокой контрастностью состава населения и условий его жизни — на всем лежит печать советского времени, а «старое» — унаследованное от СССР — характеризуется давно выстроенным балансом этногрупповых, государственных и геополитических интересов. Казалось бы, постсоветские условия не долж-

Автор: Вендина Ольга Ивановна, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН.

E-mail: o.vendina@gmail.com

Аннотация

Во второй части статьи (ч. 1 см. в № 3 (2016)) автор рассматривает ситуацию, сложившуюся в современном российском пограничье, — в городах Владивостоке, Хабаровске, Астрахани, Ростове-на-Дону, Белгороде и Калининграде. В постсоветские годы все перечисленные города были миграционными магнитами и одновременно отдавали «свое» население центральным, южным и западным регионам РФ, а также за рубеж. Разнонаправленные миграционные процессы приводили к структурным сдвигам в составе населения, его «постарению» или «омоложению», появлению новых этнокультурных групп, замещению «своих» приезжими. Основное внимание в тексте уделено анализу персональных ценностей горожан, иерархии ценностных приоритетов. Автор задается вопросом, в какой мере представления жителей приграничных городов РФ, испытывающих на себе как позитивное, так и негативное влияние соседства с другой страной, поддерживают установившийся социальный порядок, а в какой способны подорвать его в силу миграционных процессов, роста этнокультурного разнообразия, распространения ксенофобии и недовольства жизнью.

Ключевые слова: плюрализм; этнокультурное разнообразие; приграничные города; миграции; Российская Федерация; Владивосток; Хабаровск; Астрахань; Ростов-на-Дону; Белгород; Калининград

ны были нести в себе зерен конфликтов и серьезных противоречий, ареной которых могли бы стать приграничные города. Напротив, на их долю выпадала примиряющая функция возобновления контактов с соседними странами и восстановления нарушенного социально-экономического пространства.

Однако такое предположение оказалось справедливым лишь отчасти. Результатом политики национально-государственного строительства в постсоветских государствах стал массовый отток русского и русскоязычного населения. Большинство постсоветских элит полагало, что условием политической лояль-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ): проект № 15-18-00064 «Новые подходы и методы регулирования этнополитических отношений на территории крупнейших городских агломераций России» (раздел «Города российской империи») и проект № 14-18-03621 «Российское пограничье: вызовы соседства» (раздел «Города на современных границах РФ»).

² Пример Крыма, как ни парадоксально, скорее подтверждает этот тезис, нежели опровергает его.

ности населения является сильная национальная идентичность, зависящая от степени этнической однородности [Вавилова и др., 2014; Meleshkina, 2010; Вишневский, 2000; Арутюнян, 1999]. В Российской Федерации появились беженцы и вынужденные переселенцы из соседних стран. Вслед за первой волной «возвратной» миграции русских нахлынула вторая: в Россию, где экономическая ситуация, несмотря на все проблемы, была несколько лучше, поехали трудовые мигранты из сопредельных стран, в их составе преобладали титульные этносы. Приграничные города как «миграционные ворота» не только пропускали этот поток вглубь страны, но и принимали многих мигрантов, которые переносили свой привычный образ жизни на новое место. Культурная неоднородность советского общества, казавшегося столь унифицированным, ярко проявилась в новых обстоятельствах.

Население приграничных городов Российской Федерации также не было пассивным участником миграционных процессов, наблюдая за ними из окна. Решая свои проблемы, люди поехали за рубеж, у них появилась возможность сравнить ситуацию «там» и у себя дома. Возникли трансграничные рынки труда, жилья и потребления. Расцвела контрабанда и теневая экономика, создавшая почву для криминализации и одновременно социально-экономической стабилизации местной жизни: доходы от челночной торговли помогали людям выживать, сохранять достигнутый уровень потребления и способствовали накоплению первичного капитала. Жителям приграничных городов вольно или невольно пришлось вступать в контакты с многочисленными носителями других культур, представлений, морали и моделей поведения, определять для себя «новое» место в мире, утратившем привычность, пересматривать свой статус и позицию. Одновременно с индивидуальной адаптацией к меняющимся условиям жизни им предстояло стать «принимающим обществом», коллективной душой города, проявляющей склонность к социальной солидарности, толерантности и признанию прав «чужих». Качества — не слишком востребованные раньше, особенно если вспомнить, что города на современных границах Российской Федерации были в советское время либо полузакрытыми в силу своего военно-стратегического положения, либо располагались во внутренних, преимущественно аграрных регионах СССР.

Все эти непростые испытания, несомненно, повлияли на настроения людей, трансформируя их взгляды и систему ценностей. Вопрос о характере этих изменений, об их влиянии на неустойчивый баланс интеграционных и дезинтеграционных процессов в городских сообществах, особенно в условиях растущего этнокультурного разнообразия и непредсказуемости жизни, пока остается без удовлетворительного ответа. Чтобы приблизиться к нему, нами были выбраны приграничные города, расположенные в наиболее контрастных этнокультурных зонах. Это: Владивосток и Хабаровск на российско-китайской границе; Астрахань — город находится вблизи границы с Казахстаном на стыке культурных ареалов Поволжья и Прикаспийского региона; Ростов-на-Дону — близость к украинской границе сочетается здесь с близостью к Северному Кавказу; Калининград — центр российского анклава в ЕС, и Белгород — один из наиболее динамично развивающихся региональных центров Российской Федерации, составляющий с Харьковом пару разделенных границей, но тесно связанных городов. Контрастность этого рубежа возростала все постсоветские годы, как за счет проводимой символической политики, так и социально-экономических реалий [Zhurzhenko, 2010]. Все выбранные города обладают достаточно сложным этническим составом населения: наряду с русскими там проживают этносы, имеющие свою государственность в соседней стране или республике Российской Федерации, а также представители всех национальностей бывшего СССР.

Миграционное давление на приграничные города

В постсоветские годы перечисленные города были миграционными магнитами и одновременно отдавали «свое» население центральным, южным и западным регионам Российской Федерации, а также за рубеж. Разнонаправленные миграционные процессы приводили к структурным сдвигам в составе населения, его «постарению» или «омоложению», появлению новых этнокультурных групп, замещению «своих» приезжими. Эти изменения детально изучены демографами [Флоринская и др., 2014], поэтому обратимся к социологической стороне вопроса — «сохранности» городского социума, анализу представлений, настроений и намерений

Таблица 1. Роль миграций в формировании современного населения приграничных городов РФ и миграционные настроения их жителей*

	Влади- восток	Хабаровск	Астрахань	Ростов- на-Дону	Белгород	Калинин- град
Численность населения городов, 2016 г., тыс. человек	606,6	611,2	531,7	1119,9	387,1	456,6
Динамика численности населения городов: 2016/1992, %	93,6	99,4	103,8	109,0	123,3	111,8
<i>Скажите, Вы живете в городе с рождения или переехали сюда? Если переехали, то откуда?</i>						
Из Москвы	0	0	0	0	1	0
Из Санкт-Петербурга	0	0	1	0	0	0
Из города нашей области (края)	5	10	1	3	10	9
Из села (поселка, деревни) нашей области (края)	9	10	10	9	3	10
Из города другой области (края)	4	17	16	7	26	27
Из села другой области (края)	4	6	5	2	5	2
Из Украины	2	1	0	1	4	4
Из другой республики бывшего СССР	3	2	5	2	6	7
Из страны дальнего зарубежья	1	0	0	0	1	1
Живу с рождения	72	53	62	76	44	40
Затруднились ответить	0	0	0	1	1	0
<i>А Вы бы хотели или не хотели переехать из Вашего города в другое место? И если хотите, то куда именно?</i>						
В Москву	8	1	1	3	2	2
В Санкт-Петербург	7	5	2	0	1	2
В другой город нашей области (края)	0	1	0	0	1	0
В село (поселок, деревню) нашей области (края)	5	1	0	1	1	0
В город другой области (края)	2	19	5	1	1	2
В село другой области (края)	0	1	0	0	0	1
В страну ближнего зарубежья (бывшую республику СССР)	0	0	0	1	0	0
В страну дальнего зарубежья	3	7	5	4	2	7
Не хотел(-а) бы	72	61	85	88	89	77
Затрудняюсь ответить	1	5	0	4	3	9

*Источник: Региональные опросы проекта Фонда «Общественное мнение»: МегаФОМ, апрель 2014 г.

людей. Многолетние региональные исследования Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) позволяют проводить такие сопоставления, выбрав интересующие нас города из накопленного массива опросных данных³.

3 Автор приносит благодарность руководителю Аналитического отдела ФОМ Г.Л. Кертману за предоставленную информацию и помощь в ее обработке.

В наибольшей мере отток жителей сказался на сокращении численности населения городов Дальнего Востока (табл. 1). Во Владивостоке он был частично компенсирован лишь во второй половине 2000-х годов, благодаря включению в городскую черту пригородных населенных пунктов и «стягиванию» жителей Приморья в столицу края. Несмотря

на представление о Владивостоке как о городе моряков и мигрантов, среди его жителей преобладают владивостокцы во втором и третьем поколениях (72%). Этим людям никак нельзя назвать временщиками, но, судя по проводимым исследованиям, многие из них сохраняют психологию «временщиков», живя одним днем и демонстрируя ответственное отношение только к собственным усилиям в противовес обязанностям и долгу перед другими [Медведева, 2012; Кривошеев, 2009]. Эта ситуация усугубляется притоком переселенцев из сельской местности, малых и средних городов, трудовых мигрантов из Средней Азии, также сосредоточенных на решении собственных проблем в новой социальной среде.

Вместе с тем многие владивостокцы явно ценят преимущества своего города, выгоды его приграничного положения и не собираются никуда уезжать. Если уж предполагается сменить место жительства, то в качестве альтернативы выбираются Москва или Петербург. Другим сценарием является переезд в сельскую местность. Такие крайности свидетельствуют об определенном максимализме в выборе предпочтительного образа жизни: либо максимизация городских благ и статуса, либо осознанный отказ от них в пользу «природы». При этом по умолчанию предполагается, что владивостокцы способны реализовать и тот, и другой сценарий, что свидетельствует о высокой, чтобы не сказать завышенной, самооценке.

В Хабаровске — другом крупном дальневосточном центре, ситуация иная. Здесь стабильная численность населения в постсоветские годы поддерживалась значительным миграционным притоком городского (а не сельского) населения из Хабаровского края, соседних регионов Дальнего Востока, с Камчатки и Сахалина. Выходцы из села и трудовые мигранты из бывших советских республик оказали менее заметное влияние на хабаровский социум, чем на владивостокский. Одновременно шел процесс размывания сложившегося в советские годы сообщества хабаровчан. Молодые поколения все чаще стали связывать свое будущее не с родным городом, а с Петербургом, другими странами и региональными центрами. География выбора нередко предопределялась историей семьи: возвращение в «родной город» родителей или даже бабушек и дедушек, где еще сохраняются родственные связи, рассматривается как один из возможных сценариев миграции [Заусаев, Воронцова, 2007].

Отличительной чертой хабаровцев является их готовность к разовой взаимопомощи, которая сочетается с систематическим уклонением от сотрудничества на постоянной основе. Причиной и следствием такой ситуации является очень низкий уровень межличностного доверия, характерный для обоих городов российского Дальнего Востока (табл. 2).

Астрахань — безальтернативный центр Астраханской области, в городе проживает более половины ее населения. Как и все крупные города юга России, Астрахань испытала на себе значительное миграционное давление: вначале это были стрессовые возвратные миграции первого постсоветского десятилетия, затем в город поехали выходцы из трудноизбыточных прикаспийских регионов — российского Северного Кавказа, Казахстана и Азербайджана, позже к ним присоединились выходцы из Средней Азии. Однако неразвитый рынок труда Астрахани и низкие доходы населения способствовали тому, что город стал транзитным для трудовых миграций. Экономические проблемы города способствовали тому, что и сами астраханцы отправились на заработки в другие регионы страны. Но поскольку подавляющее большинство астраханцев никуда не собирались уезжать из Астрахани (табл. 1), цена ее историческое прошлое, южный колорит, близость дельты Волги и Каспийского моря, то распространение получило многомесячное «отходничество». Совокупность факторов транзитности города, роста численности представителей новых диаспор и циклических трудовых миграций самих астраханцев негативно отразилось на настроениях местного населения, способствуя его фрустрации, усилению разобщенности и снижению уровня доверия.

Ростов-на-Дону из всех выбранных нами приграничных городов характеризуется наименее эродировавшим социумом: 76% его жителей — это «коренные» ростовчане, и 88% — никуда не собираются переезжать. Армяне, которые в Ростове являются коренным населением, по-прежнему составляют вторую по численности этническую группу после русских⁴. Мало изменились и демографические

4 Современный Ростов-на-Дону сложился как агломерация Ростова, выросшего вокруг крепости и таможни, заложенных в XVIII в., и Нахичевани — города, основанного армянами, переселившимися из Крыма по приглашению Екатерины II примерно в то же время. Постепенно Ростов-на-Дону включал в свою черту и другие населенные пункты.

Таблица 2. Отношение к лицам других национальностей и оценка их вклада в развитие города

	Владивосток	Хабаровск	Астрахань	Ростов-на-Дону	Белгород	Калининград
<i>Скажите, есть ли в Вашем городе приезжие других национальностей? И если есть, то их присутствие, по Вашему мнению, приносит больше пользы или больше вреда? Или не приносит ни пользы, ни вреда?</i>						
Приезжих других национальностей нет	3	0	1	0	7	0
Больше пользы	11	33	5	20	16	18
Больше вреда	64	39	60	48	54	50
Ни пользы, ни вреда	17	22	27	24	20	18
Затрудняюсь ответить	6	6	8	8	4	13
<i>По Вашему мнению, следует или не следует ограничить въезд представителей некоторых национальностей в нашу область и город?</i>						
Следует	81	86	78	73	65	74
Не следует	7	11	16	20	31	14
Затрудняюсь ответить	12	3	5	7	4	12
<i>Некоторые люди испытывают раздражение или неприязнь по отношению к представителям той или иной национальности. А Вы лично испытываете или не испытываете раздражение или неприязнь по отношению к представителям какой-либо национальности?</i>						
Испытываю	57	23	25	33	29	46
Не испытываю	35	75	73	66	68	47
Затрудняюсь ответить	8	3	2	1	3	7
<i>Там, где Вы живете, за последний год случались или не случались конфликты между людьми разных национальностей?</i>						
Случались	26	21	44	44	19	29
Не случались	66	71	50	44	78	50
Затрудняюсь ответить	7	8	6	12	3	21
<i>Как Вы считаете, большинству людей можно доверять или с людьми следует быть осторожными?</i>						
Большинству людей можно доверять	25	12	39	36	46	31
В отношениях с людьми следует быть осторожными	71	88	56	64	53	66
Затрудняюсь ответить	3	1	4	1	1	2
Место, занимаемое проблемой «приезжих и мигрантов» в рейтинге городских проблем	10	20	19	18	15	11

*Источник: Региональные опросы проекта Фонда «Общественное мнение»: МегаФОМ, ноябрь 2013 г.

тренды: в постсоветские годы рост населения города, как и раньше, происходил за счет соседских миграций, в ареал которых входит Северный Кавказ и Украина. Фактором, наиболее дестабилизирующим жизнь города, стала близость к «горячим точкам», сначала на Кав-

казе, затем — на Украине. В 1990-х и начале 2000-х годов основные алармистские прогнозы связывались с ростом северокавказских диаспор [Суций и др., 2014]. Сегодня влияние этого фактора проявляется преимущественно в значительной учебной миграции.

С началом учебного года кавказская молодежь пополняет ряды ростовских студентов и их товарищей; с ее привычками к маскулинной социализации связываются опасения возникновения конфликтов в городе. С 2014 г. большое влияние на город оказывает вооруженный конфликт в Донбассе. Падение уровня жизни населения приграничных районов Украины, наличие значительного потока беженцев, вынужденных и трудовых мигрантов провоцируют социальное «трение», взаимное недовольство россиян и украинцев. Россияне полагают, что украинцы требуют для себя необоснованных привилегий, а украинцы видят в россиянах виновников своих проблем. Характерным для Ростова является и дистанцирование его жителей как от сторонников разрозненных националистических движений, объединенных идеей «русского мира», так и от казачества. Само представление о казаках связывается со станичной, а не с городской культурой [Озеров, 2015; Сериков, 2013].

Белгород — по-своему уникален. В советские годы он был очень тихим провинциальным городом, напоминая скорее сельский пригород столичного Харькова, нежели центр экономически развитой промышленной области, где располагались основные железорудные добывающие и перерабатывающие предприятия Курской магнитной аномалии. Тем разительнее произошедшие перемены: в постсоветские годы не только значительно выросла численность населения Белгорода, но и качественно изменился его состав. Знаковыми событиями стало строительство университета и привлечение многочисленных квалифицированных специалистов из других регионов страны. Это редкий случай, когда в благоприятной по климатическим условиям южной аграрной зоне, где еще сохраняется значительное сельское население, основной миграционный поток в областной центр формировали не выходцы из соседних сел и деревень, как предписано законами урбанизации, а жители других крупных региональных центров, включая Харьков. Белгород оказался привлекательным и для трудовых мигрантов из бывших советских республик. Обосновавшись в городе и ценив его экономическое благополучие, благоустроенность, развитый рынок труда и выгоды приграничного положения, и «новые», и «старые» белгородцы никуда не хотят уезжать. Необычной на фоне других городов российского пограничья является и атмосфера большего доверия, сло-

жившаяся в городе: почти половина его жителей полагает, что «большинству людей можно доверять». Конечно, свое влияние на этот показатель оказывает размер города: Белгород вдвое меньше Астрахани и втрое — Ростова-на-Дону [Реутов, Колпина, 2010]. Но все сводить к этому фактору было бы неверно, ведь в сравнимом по размеру соседнем Курске уровень анонимного межличностного доверия вдвое ниже. Возможно, что эта особенность Белгорода является следствием наращивания городских функций и сфер деятельности, нуждающихся в профессиональных кадрах, которыми город изначально не располагал. Благодаря этому «приезжие» оказывались в ситуации первопроходцев: им необходимо было выстраивать соседские и профессиональные отношения на новом месте, коммуницируя преимущественно друг с другом, а «местные», получая новые возможности, не испытывали значительной конкуренции со стороны «приезжих», подрывавшей саму возможность доверительных отношений. Другим возможным объяснением является полугородской-полусельский состав населения, сохраняющего традиционные представления об отношениях с соседями и соседской взаимопомощи. Наконец, есть и третья причина — осознание своей принадлежности к успешному городу, что способствует солидаризации его жителей.

Калининград вошел в состав России по результатам Второй мировой войны, сменив свое имя и население. Среди его новых жителей доминировали военнослужащие и члены их семей. Долгие годы город функционировал практически как военный гарнизон и в полной мере ощутил, что такое «психология временщиков», о которой так много говорят на Дальнем Востоке. Отпечаток того времени и сегодня лежит на местном социуме. В любой программе социально-экономического развития Калининграда написано о «социальной разобщенности населения», его «безынициативности» и «отсутствии устоявшихся ценностных ориентиров» [Стратегия..., 2007; Стратегия..., 2013]. До 1991 г. город был закрыт для въезда иностранцев, а после распада СССР оказался в иностранном «окружении»: повседневные контакты населения города с польскими и литовскими соседями стали более интенсивными, чем с российскими регионами. Хотя трансграничные социально-экономические различия между странами Юго-Восточной Балтики не слишком велики,

представления о «цивилизованной» Европе в противовес «дикой» России, где господствуют «мрак, коррупция и водка», породили глубокую фрустрацию населения Калининграда [Себенцов, Зотова, 2013; Колосов, Вендина, 2014]. Сравнительное исследование социального самочувствия жителей приграничных Архангельска, Пскова и Калининграда показало, что калининградцы «живут хорошо, а чувствуют себя плохо» [Исследование социального самочувствия..., 2012]. На общем настроении сказались и процессы интенсивного замещения населения, происходившие на фоне его количественного роста. Все постсоветские годы высокая мобильность калининградцев способствовала оттоку молодых, образованных и активных горожан в Москву, Санкт-Петербург и за рубеж, а исключительное географическое положение — притоку в Калининград мигрантов из других регионов РФ и бывших республик СССР. Дело не только в том, что приезжие проигрывали по своим качественным характеристикам уезжавшему городскому населению, среди них также были молодые и активные люди, обладавшие профессиональными навыками, но и в том, что новые горожане пополняли ряды потребителей городских благ, тогда как часть городского сообщества, ориентированная на участие в их производстве, сокращалась.

Итак, в поле нашего зрения попадают приграничные города, атмосфера жизни в которых подверглась влиянию разных социальных процессов. Для *Владивостока* и *Калининграда* была характерна «негативная селекция» населения, что неизбежно сократило социальный капитал, накопленный социумом в предшествующие годы, и увеличило разрыв между своими и приезжими. *Белгород* и *Хабаровск*, напротив, нарастили свой социальный и культурный капитал, хотя и в разной степени. Если *Хабаровску* удалось удержать достигнутый в советские годы неформальный статус столицы российского Дальнего Востока, то *Белгород* резко возвысился на фоне своего окружения, обретя несвойственные ему ранее столичные функции. *Ростов-на-Дону* и *Астрахань* дают пример относительно устойчивых сообществ, сохранивших основные демографические и социальные параметры, несмотря на близость к зонам конфликтов. Наибольшее влияние на оба города оказало осознание новизны геополитического положения, близости государственной границы, воспринимаемой как «цивилизационный ру-

беж». Типологические различия ситуаций в выбранных городах открывают возможность выявить связь между внутренними процессами, происходящими в социуме, и внешними влияниями, вызванными близостью соседних стран и активными контактами приграничного населения.

Отношение к «другим»: неприятие и толерантность

Требование толерантного отношения к антропологическим, расовым, этническим, религиозным и культурным различиям является в РФ конституционной нормой, за нарушение которой предусмотрено уголовное наказание. Тем не менее «толерантность», установленная властью в одностороннем порядке, не стала частью общественного сознания [Ксенофобские и националистические настроения..., 2015]. Это отчетливо проявляется в приграничных городах, где соседство конкурирующих ценностей и жизненных укладов подчеркивается близостью границы.

Различие государственных юрисдикций легитимирует притязания жителей каждой из стран на культурную гегемонию на «своей» территории. Хотя требование признания этого факта артикулируется с разной степенью жесткости, оно выдвигается местными жителями в качестве почти обязательного для переселенцев. Без того, чтобы жить по установленным правилам, соответствующим представлениям местных жителей о городской культуре, не мыслится ни «настоящий» калининградец, ни ростовчанин, ни житель Владивостока. Вполне очевидно, что такая позиция наталкивается на несогласие инокультурных меньшинств или граждан соседних стран, также убежденных в правомерности собственных поведенческих и этнокультурных норм. Несмотря на взаимные претензии, эта ситуация находится в состоянии относительного равновесия до тех пор, пока участники городских процессов соблюдают разумную дистанцию и демонстрируют готовность идти на компромиссы там, где это не затрагивает их жизненных принципов. Правило — проверенное веками и тем легче соблюдаемое, чем более развит язык межкультурных коммуникаций. Но если коммуникация нарушена или невозможна из-за отсутствия межличностного доверия, а недолголюбивые друг друга соседи не могут поступиться своими принципами ради разрешения воз-

никающих противоречий (каждый замыкается в своей правоте, стигматизируя взгляды и поведение других как ошибочные, опасные и неправильные, или же полностью их игнорирует), то в воздухе «пахнет керосином». Это тот вывод, к которому приходят многие российские исследователи, предупреждающие об опасностях межэтнических и межкультурных столкновений в городах [Мукомель, 2014].

На первый взгляд такой прогноз имеет высокие шансы оправдаться. Действительно, население приграничных городов болезненно реагирует на приезжих, особенно на представителей других национальностей, не видит особой пользы в их присутствии и полагает, что этот поток следует ограничивать (табл. 2). Везде отмечается низкий уровень межличностного доверия, который еще более снижается в результате интенсивного притока мигрантов. В подобной ситуации, как доказано мировой политической наукой, возможности внутригрупповых и межгрупповых коммуникаций сокращаются [Патнэм, 1996; Коллиер, 2016]. Разобщенные городские сообщества солидарны лишь в разделяемой неприязни к мигрантам и ксенофобии.

Мрачная картина, но торопиться с выводами не стоит. Благополучная реальность рассматриваемых городов заставляет задуматься, во-первых, о справедливости такого вывода, а во-вторых, разобраться, что же скрывается за данными социологии, которые даже на беглый взгляд выглядят противоречивыми.

Действительно, трудно представить себе город, большинство жителей которого не доверяют друг другу, считают вредным присутствие в городе представителей других национальностей, требуют запретительных мер миграционной политики и при этом относятся без предвзятости к другим народам, не сталкивались с межэтническими конфликтами и не ставят проблему «приезжих» на первые места в рейтинге городских проблем. Гипотетически можно вообразить достаточно архаичную ситуацию, заставляющую людей бояться всего неизвестного и друг друга, плохо при этом осознавая источники угроз и страха. Но это неприменимо к крупнейшим городам, расположенным на границах. Их население является современным, владеет всеми актуальными навыками, пользуется разнообразными услугами и иностранной валютой, летает на самолетах, активно выезжает за границу, знает иностранные язы-

ки (хотя бы немного) и имеет значительный опыт межкультурного общения. Значит, должно быть другое объяснение.

Во-первых, во всех городах присутствует значительная группа людей достаточно равнодушных к этнокультурным проблемам, не испытывающих антипатии к другим народам или даже осознающих ценность культурного разнообразия и наличия иных способов жизни. Они смотрят на межэтнические и межкультурные отношения через призму собственного опыта, часто основанного на трансграничных контактах, а не экзистенциальных страхах или гипотетических предположениях. Для них город — это социальная реальность, в которую этнические и культурные факторы вносят разнообразие, а возникающие проблемы связаны с совместным проживанием большого количества людей, а не их этнической принадлежностью.

Во-вторых, понятия «польза» и «вред» при определении роли приезжих в городах могут наделаться несовпадающими смыслами. Как правило, польза имеет экономическое измерение, а вред — социальное. Выгоды получают отдельные люди или группы, а издержки перекалдывается на общество в целом. «Вред» миграции и вызванного ею нарушения привычного социального порядка особенно остро ощущается там, где шли процессы негативной селекции населения и его интенсивного замещения. Влияет и субъективное снижение социального статуса, ощущаемое «коренными» жителями городов, как в Астрахани, где они оказались в ситуации гастарбайтеров, или в Белгороде, где приезжие обладают лучшим образованием, профессиональными навыками и деловыми качествами. Этот сложный клубок проблем, свой в каждом из городов, приводил к переадресации недовольства обстоятельствами собственной жизни на любых «чужаков» — приезжих, кавказцев, китайцев и даже русских из прежних союзных республик [Дубин, 2006].

В-третьих, чем более однородным по каким-либо параметрам, например, по длительности жизни в городе, является социум, тем с большей настороженностью он относится к привносимым изменениям и тем с большей вероятностью бытовые столкновения и неприязнь будут рассматриваться в качестве подтверждения реальности угрозы конфликтов. Сам факт роста культурного разнообразия за счет миграций — одно из условий городского развития — рассматривается как

объективная предпосылка межнациональной и межконфессиональной напряженности. Так, в Ростове-на-Дону основной причиной отторжения «других» называется то, что «люди других национальностей хотят заявить себя хозяевами на этой земле», на втором месте стоят различия в поведении людей и их образе жизни [Сериков, 2013]. Похожую тревогу в отношении мигрантов и переселенцев испытывают жители Астрахани [Зелетдинова, 2015].

В-четвертых, следует упомянуть и геополитический фактор⁵. Фрустрация населения из-за утраты Россией своего значения в мировой политике, ощущение жизни в стране, бесплодно растратившей свои ресурсы, рождает страхи и неуверенность, независимо от справедливости подобных оценок [Национальная гордость..., 2016]. Разрушение представлений о государстве как надежном защитнике от внешних опасностей искажает картину мира и заставляет видеть в росте этнокультурного разнообразия угрозу культурного насилия, агрессии и экспансии. «Главным фактором риска является геополитическое положение Астрахани в Каспийском регионе, на границе с исламским миром и на перекрестке миграционных путей, что, соответственно, повышает конфликтогенность самого региона и опасность спонтанного возникновения межличностных и межэтнических конфликтов. Риском является и близость северокавказских республик...» [Топчиев, 2013, с. 104]. Похожие высказывания о культурных и геополитических границах как источнике угроз, полные чувства обреченности, можно встретить в отношении любого из выбранных нами приграничных городов. О влиянии геополитики на негативное восприятие роста культурного разнообразия свидетельствует и изменение отношения к нему за последние несколько лет. Хотя это только предположение, тем не менее фиксируемое опросами снижение градуса ксенофобии совпадает по времени с укреплением авторитета Российского государства в глазах его граждан после начала украинских событий, присоединения Крыма, вступления России в сирийскую войну и противостояния мировому политическому давлению [Ксенофобские и националистические настроения..., 2015].

5 Детальный анализ влияния геополитического статуса государства на характер межэтнических отношений в стране приведен в статье [Collins, 1999].

Предпринятая попытка объяснить зашкаливающие показатели нетерпимости в городских сообществах (табл. 2) не пещерной ксенофобией, а иными факторами, конечно, не означает, что проблема межэтнических и шире — межкультурных противоречий в городах является надуманной. Вовсе нет, но ее масштабы иные, нежели следует из лобовой интерпретации данных опросов. Несмотря на алармистские прогнозы, в крупных российских городах сохраняется спокойная атмосфера жизни, следовательно, существует множество факторов, мотивирующих людей к поддержанию установившегося социального порядка, за которыми могут стоять как прагматические интересы, так и ценностные установки, не позволяющие переступить порог взаимной толерантности.

Города и ценности горожан

Личные ценности и приоритеты являются одним из важнейших источников мотивации поведения людей, определяя склонность человека к сотрудничеству в решении общих вопросов или, напротив, отказ от него, концентрацию на собственных целях и интересах. В применении к современному обществу Р. Инглхарт предложил различать ценности материального благополучия, названные им ценностями «выживания», и постматериальные, выдвигающие на первый план самовыражение и качество жизни [Инглхарт, Вельцель, 2011]. В первом случае для человека характерно ощущение конкуренции за жизненно важные ресурсы и стремление к их присвоению, во втором — логика обладания сменяется логикой доступности использования, а удовлетворенность жизнью зависит от ее разнообразия. Меняется и характер связей в обществе. «Выживание» предполагает приоритет внутригрупповых связей, возникающее в этом случае межличностное доверие сочетается с сильным недоверием к индивидам и группам, которые не входят в ближний круг. Стремление к «самовыражению» массово появляется в условиях решенности основных проблем выживания и опирается на межгрупповые связи. Их разнообразие становится условием удовлетворенности жизнью. Конечно, такое разделение условно, в реальности оба вида связей и различные системы ценностей существуют совместно и одновременно, вопрос лишь в количестве лиц, разделяющих то или иное мировоззре-

ние, что, конечно, сказывается на атмосфере городской жизни.

Если взглянуть на репертуар ценностей, разделяемых населением выбранных городов, то он не содержит неожиданностей (табл. 3). Как и везде в России, материальное благополучие и ощущение стабильности ценятся выше интересной работы, новых впечатлений, свободы и возможностей самореализации. Но это не значит, что вся жизненная энергия людей уходит на «выживание». Горожанам вовсе не чужды ценности самовыражения и чувство собственного достоинства, хотя их приверженцы находятся в явном меньшинстве. Несмотря на общее сходство ситуации, практически в каждом из рассматриваемых приграничных городов существуют выраженные особенности, способные

сыграть позитивную или негативную роль в ситуации интенсификации межкультурных контактов.

Прежде всего, поражает нигилизм жителей Владивостока: это единственный случай, когда значительная часть людей фактически отказалась обсуждать вопрос о ценностях с интервьюерами, выбрав графу «затрудняюсь ответить» или «ничего из перечисленного». Семья, комфорт в быту и личный достаток формируют тройку основных ценностных приоритетов владивостокцев, а замыкают список чувство собственного достоинства и уважение окружающих. Что из этого следует?

«Комфорт в быту» — это важная составляющая жизненного комфорта, который включает множество параметров — от состояния здоровья до качественного потребления,

Таблица 3. Иерархия ключевых ценностей жителей приграничных городов Российской Федерации, %

	Владивосток	Хабаровск	Астрахань	Ростов-на-Дону	Белгород	Калининград
Взаимопонимание в семье	40	88	87	71	63	78
Ощущение стабильности, уверенность в завтрашнем дне	25	59	48	45	26	52
Общение с близкими, друзьями, знакомыми	29	54	48	73	35	45
Деньги, достаток	37	56	45	34	40	45
Интересная работа	19	32	37	26	24	23
Комфорт в быту	38	39	33	34	19	37
Вера, религиозные убеждения	9	8	32	7	23	29
Чувство собственного достоинства	8	14	19	12	11	27
Спокойная совесть	16	13	21	27	16	20
Свобода, независимость	13	18	18	15	26	22
Свободное время, отдых	19	13	14	38	9	12
Уважение окружающих	6	14	24	26	12	9
Карьера, продвижение по службе	12	14	19	16	19	9
Творчество, самореализация, увлечения, хобби	13	14	13	25	6	8
Новые впечатления	8	7	5	9	10	6
Уединение, возможность побыть одному	3	4	4	7	2	3
Затрудняюсь ответить	8	1	0	0	0	0
Ничего из перечисленного	9	0	0	0	0	0

Источник: Региональные опросы Фонда «Общественное мнение»: МегаФОМ, апрель 2014 г.

от интересной работы до социальной справедливости и удовлетворенности местом и средой жизни. Многие пункты этого перечня во Владивостоке далеки от желаемого идеала: более половины его жителей не удовлетворены состоянием дел в городе и регионе,

называя среди главных проблем низкий уровень доходов, состояние сферы ЖКХ, дорог, основных социальных служб и алкоголизм (табл. 4).

Степень влияния конкретного человека на изменение общей ситуации и повышение

Таблица 4. Удовлетворенность положением дел в городе и основные проблемы

	Владивосток	Хабаровск	Астрахань	Ростов-на-Дону	Белгород	Калининград
<i>Если говорить в целом, Вы довольны или недовольны положением дел в городе?</i>						
Доволен(-а)	52	56	53	53	73	41
Недоволен(-а)	44	42	41	41	22	48
Затрудняюсь ответить	4	2	6	6	5	11
<i>Какие социальные и экономические проблемы города в последнее время волнуют Вас больше всего?</i>						
Алкоголизм	24	25	32	23	21	12
Качество социального обеспечения, социальной защиты населения	15	16	24	21	16	21
Коррупция, взяточничество в органах власти	13	16	23	24	25	24
Коррупция, взяточничество в правоохранительных органах, в судебной системе	8	10	16	17	10	9
Наркомания	20	20	25	25	16	7
Недоступность, дороговизна жилья	31	31	30	23	30	24
Неудовлетворительное состояние ЖКХ	16	29	27	28	21	32
Высокие цены на услуги ЖКХ	55	65	61	59	58	42
Низкий уровень зарплат	44	32	52	38	43	40
Низкий уровень пенсий, стипендий, пособий	27	23	30	36	32	20
Положение дел в сельском хозяйстве	7	7	6	4	4	8
Положение дел в сфере промышленного производства	7	8	7	9	6	5
Преступность	13	6	5	6	3	2
Рост цен на товары и услуги	59	48	46	50	56	58
Ситуация в сфере здравоохранения	28	26	18	22	24	31
Ситуация в сфере образования	9	8	8	8	16	6
Ситуация с занятостью населения, с безработицей	6	7	14	11	15	17
Ситуация с приезжими, мигрантами, конфликты на межнациональной почве	16	6	6	8	7	18
Состояние дорог, ситуация на дорогах	15	29	20	27	5	21
Экологическая ситуация, состояние окружающей среды	6	7	10	13	5	8

Источник: Региональные опросы Фонда «Общественное мнение»: МегаФОМ, 2014–2015 гг.

уровня жизненного комфорта относительно невелика, однако индивидуальные усилия позволяют обеспечить себе «комфорт в быту», который начинает ассоциироваться с «достойной жизнью». Это ощущение усиливается массовой рекламой, акцентирующей эту сторону потребления, и близостью границы, что облегчает попадание в потребительский рай, где «выбор больше, а цены ниже». Обратной стороной сведения жизненного комфорта к бытовому становится уклонение от участия в совместной деятельности, направленной на защиту социальных прав. Неопределенность будущего и неустойчивость деградирующей социально-экономической ситуации, распространенность мнения об «оторванности» Владивостока от остальной территории страны и его «заброшенности», диффузное недовольство способствуют восприятию общих интересов как фикции и бесплодной траты времени.

Эти выводы подкрепляет и невосприятие владивостокцами «чувства собственного достоинства» и «уважения окружающих» как значимых ценностей. Оба понятия взаимосвязаны и обладают двойной коннотацией, отсылающей либо к правам человека и личностной самореализации, либо к мнению других и внешней оценке персональных достижений. Большую роль играет не только масштаб персональных свершений, но причастность к общему делу. Концентрация на достижениях только для себя и отказ от общественного признания свидетельствуют о социальной дезинтеграции городского населения, однако самими людьми может восприниматься не как социальный нигилизм, а как независимость. Такое состояние социума исключает возможность групповой солидаризации, но оно таит в себе другую опасность — снижение иммунитета к асоциальным явлениям, экстремизму и радикализму. При современных технологических возможностях агрегатное состояние общества становится ресурсом одномоментной мобилизации, направляющей недовольство «всем на свете» на конкретные цели, в том числе против «иных», «других», «чужих». Похожая ситуация сложилась и в Калининграде. Здесь также диффузное недовольство сочетается с высокой ценностью «комфорта в быту», а «чувство собственного достоинства» по своей значимости намного опережает ценность «уважения окружающих», свидетельствуя о завышенной самооценке на фоне испытываемой фрустрации.

Совсем иначе выглядит ценностный ряд жителей Ростова-на-Дону. Хотя здесь, так же, как везде, ценности «выживания» играют для людей первостепенную роль, ростовчане придают очень большое значение дружбе и общению, а ценность «свободного времени» ставят вровень с материальным достатком. Можно ли эту ситуацию трактовать как переход от ценностей «выживания» к ценностям «самовыражения»? Сомнительно. При взгляде на данные опросов возникают сильные ассоциации с советским периодом. В тех условиях ценность свободного времени, декларируемая в рамках концепции «всестороннего развития творческого потенциала личности», нивелировалась необходимостью его использования для решения задач выживания, стояния в очередях и решения многочисленных проблем повседневности [Наймер, 1992]. Она также легитимировала «право» на бездельность, хотя бездельники всячески осуждались. Похожие метаморфозы происходят и с ценностью общения и дружбы. Дружба — это не только проявление индивидуальных чувств и качеств, но и полезные связи, несущие с собой возможность решения многих проблем — от бытовых до карьерного роста, исходя из принципа «ты мне, я тебе» [Голов, 1995]. Дружба — это также один из каналов поддержания взаимной лояльности. Похоже, что ростовский социум, в наименьшей степени подвергшийся влиянию миграций и замещения населения, воспроизводит устойчивые представления о «правильных отношениях» между людьми, транслируемые через семью и институты социализации. Здесь по-прежнему сильны внутригрупповые связи, обеспечивающие социальную защиту человека, но и повышающие значение межгруппового размежевания. В этой ситуации ксенофобия, канализируя недовольство политическими, социальными и бюрократическими институтами, значительно повышает риски столкновения групповых интересов. Однако диффузная «дружба» (друг моего друга — мой друг) и «куначество»⁶, предполагающие взаимные обязательства и вмешательство в дела других

⁶ Куначество, или побратимство, — это институт, распространенный среди народов Кавказа и объединяющий мужчин, принадлежащих к разным семьям, родам, кланам, народам. Делом чести для кунаков является предоставление друг другу помощи, убежища и защиты. Невыполнение кунаком своих обязательств, как правило, влечет за собой социальные (а иногда и физические) санкции, лишает его своеобразной охранной грамоты.

на стороне «друга», позволяет гасить большинство конфликтов на начальной стадии. Тем не менее групповое противостояние способно выходить из-под группового контроля, поэтому, осознавая или инстинктивно ощущая эту угрозу, общество и власть обращаются к поиску объединительных идей, связывая их с «цивилизационными вызовами», «геополитическими расколами», «евразийским единством», национально-государственной идентичностью и другими зонтичными конструкциями. Близость границы из фактора потенциальной дестабилизации превращается в фактор сплочения городского социума.

Третье соображение, которое возникает при анализе репертуара ценностей жителей приграничных городов, касается роли религии в мировосприятии людей. Почему жители Ростова-на-Дону, Хабаровска и Владивостока не придают ей большого значения, а Калининграда, Астрахани и Белгорода, наоборот, считают «веру» важнейшей ценностью? При этом все названные города являются секулярными, а среди их жителей, подавляющее большинство которых являются последователями христианской традиции, лишь небольшая часть следует религиозным предписаниям и регулярно посещает храмы. Хотя этот вопрос требует дальнейших исследований, можно предположить, что здесь свою роль играет целенаправленная политика региональных властей, акцентирующая принадлежность городов к русскому и православному миру. Там, где религии придается большое значение, православие становится маркером этничности и одновременно национальной идентичности, приводя к причудливым сочетаниям ценностных приоритетов. Например, в Калининграде — нигилизма и веры, в Белгороде — независимости и религиозных убеждений, а в Астрахани — веры и богатства.

Города на границах РФ: промежуточный итог

Отправным пунктом предпринятого анализа было желание понять, в какой мере представления жителей приграничных городов РФ, испытывающих на себе как позитивное, так и негативное влияние соседства с другой страной, поддерживают установившийся социальный порядок, а в какой способны подорвать его в силу миграционных процессов, роста этнокультурного разнообразия, распространения ксенофобии и недовольства жизнью. Такая постановка вопроса не пред-

полагает однозначного ответа, поскольку городские сообщества весьма неоднородны и характеризуются ценностным, языковым, этническим, конфессиональным и жизненно-стилевым многообразием. В рассмотренных городах можно выделить по меньшей мере следующие группы:

1. *Конформистское большинство* населения, ориентированное на ценности «выживания». Его конформизм проявляется в разных формах — от готовности подчиняться установленным правилам до самоустранения от социальной деятельности, несмотря на несогласие с существующим порядком. Претензии на культурную гегемонию, признаваемую по умолчанию («коренные жители»), вполне сочетаются с нигилизмом, основанным на идеях индивидуализма и «свободы от общества». Конформизм городского населения составляет серьезную проблему городского развития, поскольку предполагает уклонение от ответственности, исключает активную позицию и препятствует развитию демократии участия. Однако это только одна сторона влияния конформизма на городскую жизнь. Не будем забывать, что чувство формальной принадлежности к городскому сообществу является способом преодоления возникающего отчуждения людей в больших городах. Страх оказаться в изоляции, выделяться из толпы, быть иным внутренне принуждает людей к социальному «послушанию». В этом смысле индивидуальность человека растворяется в групповой принадлежности, а конформизм и подчинение социальному порядку становятся значимой интегрирующей силой, препятствующей конфликту идентичностей.

2. *Нонконформистское меньшинство*, для которого ценности «самовыражения» не менее важны, чем ценности «выживания». Представители этой группы отдают приоритет личностным качествам человека, индивидуальным, а не групповым правам или этнокультурным различиям. Их мышление и представления могут быть как более гражданственными, так и более эгоистическими. Наличие гражданственно настроенных групп способствует выстраиванию доверия к «другим», ориентации на диалог и поддержанию социальной кооперации. Такие люди есть во всех, даже наиболее нигилистически настроенных Владивостоке и Калининграде.

3. *Разрозненные сообщества*, объединенные чувством принадлежности к определенной религии, этносу, диаспоре, землячеству, товари-

ществу и проч. Сильное внутреннее доверие в кругу «своих», как правило, дополняется столь же сильным недоверием ко всем «другим». В случае диаспор осознание групповой идентичности усиливается близостью к стране или региону, где в той или иной форме реализована этническая государственность. Во всех рассмотренных нами городах такие группы являются меньшинствами, включая казаков в Ростове-на-Дону. Если же такие объединения возникают на основе декларации «русскости» или «православности», то они также придерживаются меньшинской психологии.

4. *Недавние переселенцы*, которые во всех выбранных городах составляют значительную группу населения. Поскольку мотивы смены места жительства могут быть очень разными — от улучшения материального положения до поиска интересной работы и возможности самореализации, то и люди, адаптируясь к новым условиям жизни, выбирают стратегию поведения, соответствующую их устремлениям, пополняя различные социальные когорты. Несмотря на то, что именно переселенцы, перенося свои представления и привычный образ жизни на новое место, заметно меняют городскую атмосферу и городскую среду, они в наибольшей степени стремятся вписаться в городской порядок и быть «как все».

5. *Временные и трудовые мигранты* — наиболее бесправная часть городского населения. Приспосабливаясь к условиям жизни в городе и решая свои задачи, они стремятся к интеграции в рынок труда, но не городской социум. Нередко находя приложное своим силам в теневой экономике, они формируют «второе общество» со своими сервисными институтами, включая риелторов, врачей, юристов, посредников и проч. Этот спрос поддерживает функционирование неформальных и диаспоральных структур в городах, обеспечивающих социальную организацию «второго общества», включая и ее криминальные формы.

Выраженный плюрализм городских сообществ несет в себе как потенциал сдерживания конфликтов, так и их эскалации. Недостаток ресурсов продвижения групповых интересов заставляет, как правило, трезво оценивать ситуацию и искать компромиссные решения, а их «избыток» или завышенная самооценка толкают на безответственные шаги, борьбу за гегемонию и

перedel власти, что неоднократно происходило в истории.

Среди ключевых факторов «сдерживания» конфликтов, помимо дефицита ресурсов власти, можно назвать, *во-первых*, наличие прагматичной заинтересованности *всех* членов городских сообществ в поддержании социального порядка, дающего каждому возможность достичь своих целей, и, *во-вторых*, поддержание городских привычек. Сохранность традиционных, возможно, даже архаичных моделей поведения, исторически выполнявших функции тушения конфликтов в зародыше, позволяет реализовывать социальный контроль без привлечения силовых структур и не допускать перерастания межличностных стычек в межгрупповое противостояние. В качестве примера можно привести Ростов-на-Дону и перенятый ростовчанами кавказский институт «куначества».

Среди факторов «эскалации» конфликтов, также порождаемых плюрализмом, основными являются, *во-первых*, наличие организованных и мобилизованных групп с четко артикулированным чувством принадлежности и не менее четко обозначенным неприятием «других». Близость формальных и неформальных границ облегчает подобное самоопределение. *Во-вторых*, «атомизированность» городского сообщества, концентрация людей на личных проблемах, низкий уровень межличностного доверия и слабость социальных групп, способных его выстраивать. Это позволяет периодически возникающим харизматичным лидерам выступать от имени «большинства» и открывает перед ними возможность массового внушения через апелляцию к экзистенциальным угрозам.

Все перечисленные факторы можно найти в каждом из приграничных российских городов. Но сегодня они скорее гасят, нежели усиливают друг друга. Причина не только в том, что различия благополучно тонут в безразличии, а вербальная агрессия не перерастает в действие, но и в общем стремлении к стабильности, коллективном конформизме, что предполагает сохранение установившегося *статус-кво* в рамках существующих ограничений, включая и конституционно установленную толерантность. Отсюда, конечно, не следует, что ситуация не может развернуться в иную сторону, особенно под давлением внешних дестабилизирующих обстоятельств.

Заключение

Последовательное рассмотрение ситуации межкультурных взаимодействий в приграничных городах Российской империи и современной России показывает, что не политический режим или государственная система ответственны за межкультурное согласие. Большее значение имеет плюрализм городских сообществ и признание его жителями этого факта. Города, где культурные элиты стремились к преодолению плюрализма, вытеснению «других» из политического поля, переживали серию конфликтов, поводом для которых становились культурные различия. Изживая плюрализм, они теряли и способность к адаптации культурного разнообразия. Итогом становился отток населения и провинциализация города. Вместе с тем сохранение и поддержание плюрализма общества — это непростая задача, требующая значительной политической гибкости и адаптивности социума. Городским властям, подвергающимся значительному влиянию групп местных лоббистов, не по силам справиться с этой проблемой. Хотя наличие выраженной городской идентичности и привязанность к своей малой родине объединяют людей, городской патриотизм выполняет одновременно функции инклюзии и эксклюзии. Поэтому город скорее отвечает за производство и освоение разнообразия, взаимную адаптацию своих жителей, а роль арбитра, определяющего правила функционирования плюралистических обществ, принадлежит государству. Наиболее эффективным механизмом, который предполагает «единство

в разнообразии» и «примирение непримиримого», является национальное единство. Оно устанавливает равенство всех членов общества, независимо от их культурной или этнической принадлежности, расовых отличий или вероисповедания, если, конечно, само государство не становится разрушительной силой, будучи слепо к плюрализму общества и сводя принцип национального равенства к одинаковости граждан. Вместе с тем ощущение национального единства является очень уязвимым, оно нуждается в постоянной поддержке общественного мнения, «ежедневного плебисцита», по образному выражению Э. Ренана, и зависит от многих субъективных факторов, в том числе и от сравнения «себя» с «другими». Как показывает анализ ситуации в приграничных городах, для его поддержания недостаточно ни патриотических настроений, ни символической политики. Наряду с ними нужны функциональные институты, позволяющие, во-первых, встраивать новых членов сообщества в уже существующую систему с учетом их гражданства и статуса, а во-вторых, способствовать интеграции принимающего сообщества, что является не менее важной задачей, чем интеграция его новых членов. В этом смысле испытание культурным разнообразием состоит в умении выстроить компромиссы между ценностными реалиями вчерашнего и сегодняшнего дня, между индивидуальными, групповыми и национальными идеалами, и здесь власти, думающей о будущем, принадлежит роль посредника или «менеджера», а не наблюдателя городских процессов.

Источники

- Арутюнян Ю.В. (1999) О национальных отношениях в постсоветских обществах: межличностный аспект // СОЦИС. Социологические исследования. № 4. С. 58–62.
- Вавилова В.В., Кайгородова А.Ф., Коротаева Ю.В., Мяленко Ю.В., Панов П.В. (2014) Политизация русских меньшинств в странах постсоветского пространства // Вестник Пермского университета. Политология. № 1. С. 126–145.
- Вишневский А.Г. (2000) Распад СССР: этнические миграции и проблема диаспор // Общественные науки и современность. № 3. С. 115–130.
- Голов А.А. (1995) Ценность и реальность дружбы у россиян // Информационный бюллетень мониторинга общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5. С. 41–44.
- Гранберг А.Г. (2011) Возможны ли распад или сжатие России? // Регион: экономика и социология. № 2. С. 9–18.
- Дубин Б. (2006) Всеобщая адаптация как тактика слабых // Неприкосновенный запас. № 6 (50). С. 33–59.
- Заусаев В.К., Воронцова Л.С. (2007) Социальный портрет жителя Хабаровска // СОЦИС. Социологические исследования. № 4. С. 91–95.
- Зелетдинова Э.А. (2015) Трансформация этноструктуры Астраханской области // ПОЛИС. Политические исследования. № 6. С. 144–156.

- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011) Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство (Библиотека Фонда «Либеральная миссия»).
- Исследование социального самочувствия населения в городах Архангельск, Псков и Калининград (2012) / Центр социальных измерений «Фокус». Режим доступа: <http://center.ngogarant.ru/Flipbook/files/inc/1329570966.pdf> (дата обращения: 15.11.2016).
- Коллиер П. (2016) Исход: как миграция изменяет наш мир. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Колосов В.А., Вендина О.И. (2014) Геополитическое видение мира, идентичность и образы друг друга в представлениях молодых жителей Калининграда, Гданьска и Клайпеды // Балтийский регион. № 4. С. 7–29.
- Коткин С. (2016) Вечная геополитика России // Россия в глобальной политике. № 4. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vechnaya-geopolitika-Rossii-18270> (дата обращения: 15.11.2016).
- Кривошеев В.В. (2009) Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе // СОЦИС. Социологические исследования. № 3. С. 57–67.
- Ксенофобские и националистические настроения среди россиян: данные репрезентативных опросов 2002–2015 гг. (2015) / Левада-центр. Пресс-выпуск. 25 августа. Режим доступа: <http://www.levada.ru/2015/08/25/ksenofobiya-i-natsionalizm/> (дата обращения: 15.11.2016).
- Медведева Л.М. (2012) Региональные проблемы как следствие политики экстенсивного развития // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. № 4. С. 95–99.
- Мельвил А.Ю., Ильин М.В., Макаренко Б.И. и др. (2009) Потенциал международного влияния и эффективность внешней политики России (2008 – начало 2009 гг.): аналитический доклад. М.: МГИМО-Университет.
- Мукомель В.И. (2014) Ксенофобия и мигрантофобии в контексте культуры доверия // Мир России. 2014. № 1. С. 137–166.
- Наймер Ю.Л. (1992) От кризиса общества к кризису труда // СОЦИС. Социологические исследования. № 5. С. 23–32.
- Национальная гордость (2016) / Левада-центр. Пресс-выпуск. 30 июня. Режим доступа: <http://www.levada.ru/2016/06/30/natsionalnaya-gordost/> (дата обращения: 15.11.2016).
- Озеров А.А. (2015) Возрождение казачества: идеи и социальная практика: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону. Спец.: 09.00.11.
- Патнэм Р. (1996) Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem.
- Реутов Е.В., Колпина Л.В. (2010) Социальное доверие в региональном сообществе // Среднерусский вестник общественных наук. № 3. С. 40–48.
- Себенцов А.Б., Зотова М.В. (2013) Потенциал экономико-географического положения Калининградской области: ограничения и перспективы реализации // Балтийский регион. № 4. С. 113–131.
- Сериков А.В. (2013) Влияние уровня гражданской идентичности на экстремизацию межнациональных отношений в регионе // Вестник Российской академии естественных наук. № 3. С. 35–39.
- Стратегии развития Калининградской области (2007) / под ред. А.П. Клемешева, В.А. Мау. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта.
- Стратегия социально-экономического развития ГО «Город Калининград» на период до 2035 года (2013) // Официальный сайт администрации городского округа «город Калининград». Режим доступа: <http://www.klgd.ru/economy/strategy/> (дата обращения: 15.11.2016).
- Суций С.Я., Тумакова Ж.А., Иванов А.В., Андросова С.В. (2014) Динамика северокавказских диаспор в областях и краях Юга России – численность, география, конфликтный потенциал (современные тенденции) // Электронный научный журнал «Инженерный вестник Дона». № 3. Режим доступа: <http://www.ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2014/2594> (дата обращения: 15.11.2016).
- Топчиев М.С. (2013) Специфика государственной политики регулирования конфессиональных отношений в полиэтничном регионе (на примере Астраханской области) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань. № 1. С. 99–104.
- Трейвиш А.И. (2009) Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф.
- Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. (2014) Внутренняя миграция и российский рынок труда // Миграция и рынок труда: аналитический доклад. М.: РАНХиГС. С. 21–56.
- Цымбурский В.Л. (1993) Остров Россия. Перспективы российской геополитики // ПОЛИС. Политические исследования. № 5. С. 6–30.
- Collins R. (1999) “Balkanization” or “Americanization”: A Geopolitical Theory of Ethnic Change // Collins R. Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run. Stanford: Stanford University Press. P. 70–109.
- Meleshkina E. (2010) Democratization in the post-Soviet countries of Eastern Europe and “nationalizing” politics // Nationalism and Democracy. Dichotomies, complementarities, oppositions. N.Y.: Routledge. P. 149–169.
- Zhurzhenko T. (2010) Borderlands into the Bordered Lands. Geopolitics of Identity in Post-Soviet Ukraine. Stuttgart: ibidem-Verlag.

O. VENDINA

THE CITIES ON THE BORDER: THE ETHNO-CULTURAL DIVERSITY TEST

THE CITIES ON THE BORDER OF THE RUSSIAN FEDERATION
(PART 2)

Author: *Olga Vendina*, Ph.D. in Social Geography, leading researcher at the Institute of Geography, PAS.

E-mail: o.vendina@gmail.com

Abstract

In the second part of this article, the author examines the situation in Russia's borderlands, focusing on the cities of Vladivostok, Khabarovsk, Astrakhan, Rostov-on-Don, Belgorod, and Kaliningrad. Since the end of the Soviet Union, these cities have been major arrival, departure, and destination points for migration to and from the central, southern, and western regions of the Russian Federation and abroad. Multidirectional migration in these cities has led to structural changes in their populations, their urban decline or rejuvenation, the emergence of new ethno-cultural groups, and the replacement of local populations by newcomers. This paper examines the personal values of these cities' inhabitants and their hierarchy of priorities. The author evaluates the mindsets of people who live in cities along Russia's borders and who feel both the positive and negative impacts of the border's proximity in their lives. She also takes a look at how these residents try to maintain social order and intercultural cohesion in light of migration waves, growing diversity, the spread of xenophobia, and a sense of uprootedness.

Key words: plurality; ethno-cultural diversity; border cities; migration; Russian Federation; Vladivostok; Khabarovsk; Astrakhan'; Rostov-on-Don; Belgorod; Kaliningrad

References

- Arutyunyan Yu.V. (1999) O natsional'nykh otnosheniyakh v postsovetskikh obshchestvakh: mezhlchnostnyj aspekt [On national relationships in the Post-soviet societies: interpersonal dimension]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 4, pp. 58–62.
- Vavilova V.V., Kajgorodova A.F., Korotaeva YU.V., Myalenko YU.V., Panov P.V. (2014) Politizatsiya russkikh men'shinstv v stranakh postsovetskogo prostranstva [Russian Minorities Politicization in Post-Soviet Countries]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, no 1, pp. 126–145.
- Vishnevskij A.G. (2000) Raspad SSSR: etnicheskie migratsii i problema diaspor [Disintegration of the USSR: ethnic migration and problem of Diaspora]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no 3, pp. 115–130.
- GolovA.A. (1995) Tsennost' ireal'nost' druzhby u rossiyan [Value and the reality of friendships among the Russians]. *Informatsionnyj byulleten' monitoringa obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i sotsial'nye pereмены*, no 5, pp. 41–44.
- Granberg A.G. (2011) Vozmozhny li raspad ili szhatie Rossii? [Is it possible disintegration or shrinkage of Russia?]. *Region: ehkonomika i sotsiologiya*, no 2, pp. 9–18.
- Dubin B. Vseobshhaya adaptatsiya kak taktika slabykh (2006) [Total adaptation as a tactic of weak people]. *Neprikosnovennyj zapas*, no 6 (50), pp. 33–59.
- Zausaev V.K., Vorontsova L.S. (2007) Sotsial'nyj portret zhitelya Khabarovska [Social portrait of the Khabarovsk's resident]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 4, pp. 91–95.
- Zeletdinova Eh.A. (2015) Transformatsiya etnostrukturnykh Astrakhanskoy oblasti [The ethno-structural transformation in the Astrakhan' region]. *POLIS. Politicheskie issledovaniya*, no 6, pp. 144–156.
- Inglkharth R., Vel'tsel' K. (2011) *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Change, and Democracy The Human Development Sequence]. M.: Novoe izdatel'stvo. (Biblioteka Fonda "Liberal'naya missiya")
- Issledovanie sotsial'nogo samochuvstviya naseleniya v gorodakh Arkhangel'sk, Pskov i Kaliningrad* (2012) [The comparative survey of social feeling in Arkhangelsk,

- Pskov and Kaliningrad] / Tcentr sotsial'nykh izmerenij "Fokus". Available at: <http://center.ngogarrant.ru/Flipbook/files/inc/1329570966.pdf> (accessed 15.11.2016).
- Collier P. (2016) *Iskhod: kak migratsiya izmenyaet nash mir* [Exodus. How migration is changing our world]. M.: Izd-vo Instituta Gajdara.
- Kolosov V.A., Vendina O.I. (2014) Geopoliticheskoe videnie mira, identichnost' i obrazy drug druga v predstavleniyakh molodykh zhitelej Kaliningrada, Gdan'ska i Klajpedy [The Youth in Kaliningrad, Gdansk and Klaipeda: Geopolitical Vision of the World, Identity and Images of the Other]. *Baltiiskij region*, no 4, pp. 7–29.
- Kotkin S. (2016) Vechnaya geopolitika Rossii [Russia's perpetual geopolitics]. *Rossiya v global'noj politike*, no 4. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vechnaya-geopolitika-Rossii-18270> (accessed 15.11.2016).
- Krivosheev V.V. (2009) Korotkie zhiznennye proekty: proyavlenie anomii v sovremennom obshhestve [The short life projects as a result of social anomia of contemporary society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 3, pp. 57–67.
- Ksenofobskie i natsionalisticheskie nastroyeniya sredi rossiiyan: dannye reprezentativnykh oprosov 2002–2015 gg. (2015) [Xenophobic and nationalistic mindsets among the Russians: the data of representative survey of the 2002–2015]. *Levada-Tsentr. Press-vypusk*, 25.08. Available at: <http://www.levada.ru/2015/08/25/ksenofobiya-i-natsionalizm/> (accessed 15.11.2016).
- Medvedeva L.M. (2012.) Regional'nye problemy kak sledstvie politiki ehkstensivnogo razvitiya [Regional problems as a result of extensive development policy]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no 4, pp. 95–99.
- Mel'vil' A.Yu., Il'in M.V., Makarenko B.I. et al. (2009) *Potentsial mezhdunarodnogo vliyaniya i ehffektivnost' vneshnej politiki Rossii (2008 – nachalo 2009 gg.)* [The potentiality of international influence and effectiveness of the Russian foreign policy]: Analiticheskij doklad. M.: MGIMO-Universitet.
- Mukomel' V.I. (2014) Ksenofobiya imigrantofobii v kontekste kul'tury doveriya [Xenophobia and migrant's phobia in the context of culture of trust]. *Mir Rossii*, no 1, pp. 137–166.
- NajmerYu.L. (1992) Ot krizisa obshhestva k krizisu truda [From crises of society to crises of labor]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 5, pp. 23–32.
- Natsional'naya gordost'* (2016) [A sense of national pride] / Levada-Tsentr. Press-vypusk. 30.06. Available at: <http://www.levada.ru/2016/06/30/natsionalnaya-gordost/> (accessed 15.11.2016).
- Ozerov A.A. *Vozrozhdenie kazachestva: idei i sotsial'naya praktika* (2015) [The Cossacks revival: the ideas and social practice]. Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Rostov-na-Donu. Spets.: 09.00.11.
- Putnem R. (1996) *Chtoby demokratiya srabotala. Grazhdanskije traditsii v sovremennoj Italii* [Making democracy work. Civic tradition in modern Italy]. M.: Ad Marginem.
- Reutov E.V., Kolpina L.V. (2010) Sotsial'noe doverie v regional'nom soobshhestve [The social trust in regional society]. *Srednerusskij vestnik obshhestvennykh nauk*, no 3, pp. 40–48.
- Sebentsov A.B., Zotova M.V. (2013) Potentsial ehkonomiko-geograficheskogo polozheniya Kaliningradskoj oblasti: ogranicheniya i perspektivy realizatsii [Geography and economy of the Kaliningrad region: limitations and prospects of development]. *Baltiiskij region*, no 4, pp. 113–131.
- Serikov A.V. (2013) Vliyanie urovnya grazhdanskoj identichnosti na ehkstemizatsiyu mezhnatsional'nykh otnoshenij v regione [The impact of civic identity development on radicalization of the interethnic relationships in the regions]. *Vestnik Rossijskoj akademii estestvennykh nauk*, no 3, pp. 35–39.
- Strategii razvitiya Kaliningradskoj oblasti* (2007) [The strategy of development of the Kaliningrad Region] / A.P. Klemeshevai, V.A. Mau (eds). Kaliningrad: Izd-vo RGU im. I. Kanta.
- Strategiya sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya GO "Gorod Kaliningrad" na period do 2035 goda* (2013) [The strategy of social and economic development of the city of Kaliningrad until 2035]. Ofitsial'nyj sayt administratsii gorodskogo okruga "gorod Kaliningrad". Available at: <http://www.klgd.ru/economy/strategy/> (accessed 15.11.2016).
- Sushhij S.YA., Tumakova ZH.A., IvanovA.V., Androsova S.V. (2014) Dinamika severokavkazskikh diaspor v oblastiakh i krayakh Yuga Rossii – chislennost', geografiya, konfliktnyj potentsial (sovremennye tendentsii) [Dynamics of the North Caucasus's Diaspora in the Regions of Southern Russia – number, geography, and potentiality of conflicts]. *Ehlektronnyj nauchnyj zhurnal "Inzhenernyj vestnik Dona"*, no 3. Available at: <http://www.ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2014/2594> (accessed 15.11.2016).
- Topchiev M.S. (2013) Spetsifika gosudarstvennoj politiki regulirovaniya konfessional'nykh otnoshenij v poliehtnichnom regione (na primere Astrakhanskoj oblasti) [The specificity of the State policy for confessional issues in the multi-ethnic region (by an example of Astrakhan' Region)]. *Kaspijskij region: politika, ehkonomika, kul'tura. Astrakhan'*, no 1, pp. 99–104.
- Trejvish A.I. (2009) *Gorod, rajon, stranaimir. Razvitie Rossii glazami stranoveda* [City, region, country and globe.

- The development of Russia by a geographer's optic]. M.: Novyj khronograf.
- Florinskaya Yu.F., Mkrtychyan N.V., Maleva T.M., Kirillova M.K. (2014) Vnutrennyaya migratsiya i rossijskij ry-nok truda [Interregional migration and the Russia's labor market]. *Migratsiya i ry-nok truda: analiticheskij doklad*. M.: RANKHiGS, pp. 21–56.
- Tsyburskij V.L. (1993) Ostrov Rossiya. Perspektivy rossijskoj geopolitiki [The island of Russia]. *POLIS*, no 5, pp. 6–30.
- Collins R. (1999) "Balkanization" or "Americanization": A Geopolitical Theory of Ethnic Change // Collins R. *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run*. Stanford: Stanford University Press, pp. 70–109.
- Meleshkina E. (2010) Democratization in the post-Soviet countries of Eastern Europe and "nationalizing" politics // *Nationalism and Democracy. Dichotomies, complementarities, oppositions*. N.Y.: Routledge, pp. 149–169.
- Zhurzhenko T. (2010) *Borderlands into the Bordered Lands. Geopolitics of Identity in Post-Soviet Ukraine*. Stuttgart: ibidem-Verlag.

О. ИВЛИЕВА, А. ЯШУНСКИЙ

ВИРТУАЛЬНАЯ УРБАНИЗАЦИЯ¹

Urban Studies and Practices Vol.1 #4, 2016, 26-36
<https://doi.org/10.17323/usp14201626-36>

Авторы

Ивлиева Ольга Дмитриевна, студентка 2-го курса магистерской программы «Управление пространственным развитием городов» Высшей школы урбанистики им. А.А. Высоковского.

E-mail: olya.ivlieva@gmail.com

Яшунский Алексей Дмитриевич, кандидат физико-математических наук, заведующий сектором Института прикладной математики им. М.В. Келдыша Российской академии наук.

E-mail: yashunsky@keldysh.ru

Аннотация

В данной статье шестнадцать крупнейших российских городов и их агломерации были проанализированы при помощи сбора данных пользователей социальной сети «ВКонтакте». Результатом анализа картосхем на основе полученных данных стало выявление специфической особенности самоидентификации пользователей, проживающих в рассмотренных агломерациях: жители муниципальных образований, относящихся к периферии, территориально склонны относить себя к центру агломерации. Авторы сформулировали возможные причины данного явления, а также обозначили потенциал собранных данных для дальнейших исследований.

Ключевые слова: урбанизация; агломерация; анализ данных социальных сетей; виртуальное население

Введение

Согласно рейтингу стран мира по уровню урбанизации, Россия занимает 78-е место по доле городского населения (74%) [United Nations..., 2015] и считается высокоурбанизированной страной. Важная историческая веха — преобладание городского населения над сельским — была преодолена в России еще в конце 1950-х годов (в мире в целом — в 2008 г.). На современном этапе, когда скорость процессов урбанизации существенно замедлилась, более пристальное внимание стало уделяться ее качественным аспектам и рассмотрению отдельных территориальных единиц: городов, городских

агломераций, мегалополисов. Вместе с тем само понятие города, базовое для характеристики урбанизированности той или иной территории, стало менее определенным, а различия между городом и негородом — менее существенными. Процессы агломерирования в России фиксируются еще в начале XX в. (по словам Г.М. Лаппо, «... российские агломерации — детище XX века» [Lanno, 2007]), однако своего пика формирование агломераций достигло в 1960–1980-е годы, в основном за счет производственных связей города с соседствующими территориями. Современный этап формирования городских агломераций, в отличие от «промышленного», имеет ряд особенностей. Прежде всего, это другие типы связей: с резким спадом промышленного производства производственные связи, бывшие основополагающими для агломерации, уступили место трудовым², образовательным, культурным. «Сегодня агломерация характеризуется не столько целостностью производственной и расселенческой систем, сколько целостностью рынков: труда, недвижимости, земли, а также уровнем функциональной связанности отдельных ее элементов» [Бозз, 2007].

В сложившихся условиях для исследования городских агломераций приобретает смысл использование различных источников данных, помимо официальной статистики, которая зачастую оказывается недостаточно чувствительной к новым «непромышленным» связям внутри агломераций.

В последнее время привлечение интернет-источников, состоящих из данных, генерируемых пользователями (спонтанно или намеренно), все больше входит в практику исследований. Возможности использования данных из социальных сетей в качестве альтернативы переписи населения были ранее

¹ Публикация осуществлена при финансовой поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество».

² Прежде всего в секторе услуг.

описаны в работе [Чекмышев, Яшунский, 2014]. Собранные согласно предложенной методологии данные из социальной сети «ВКонтакте» представлены нами на сайте [Интерактивный атлас..., 2017]. В настоящей работе мы демонстрируем возможности использования таких данных при изучении некоторых аспектов городских агломераций.

Данные из социальных сетей

Очевидно, что для понимания процессов, протекающих в современных агломерациях, необходимы более детальные данные, и зачастую официальной статистики, собираемой с административных единиц, бывает недостаточно. Единых критериев для выделения городских агломераций до сих пор не выработано, они по-прежнему остаются «неправовыми и бесстатусными образованиями» [Махрова и др., 2012]. Соответственно, нет и единой методики сбора статистических данных по ним, и количественные данные еще более условны, чем по городам.

Существующие официальные статистические данные основаны на информации о прописке, следовательно, у нас нет сведений ни о реальном месте проживания человека, ни о его перемещениях в пределах агломерации и месте работы, ни о его самоидентификации³. Однако скудность официальных данных может быть дополнена информацией из альтернативных источников.

К ним относятся данные различного рода: от результатов социологических опросов и полевых исследований (например, подсчет пассажиропотока) до спонтанных данных⁴ о перемещениях пользователей (данные сотовых операторов, кредитных карт с чипами, публикации социальных сетей с геопривязками) и данных из анкет пользователей социальных сетей.

Анализ спонтанных данных, в отличие от довольно традиционных социологических методов, применяется не так давно, но в силу большого объема получаемой информации, доступа к новым, не анализируемым ранее типам данных (суточные и сезонные перемещения большого числа жителей, ментальные и психологические карты), уже используется

довольно широко, в особенности в зарубежной практике. Так, исследование, проведенное на основе данных сотовых операторов во Франции и Португалии, позволило оценить сезонные и суточные изменения в населении на уровне стран и отдельных агломераций, суточный рост нагрузки на основные магистрали, ведущие в город, а также выделить наиболее загруженные части агломераций [Deville et al., 2014]. В российской практике одно из наиболее масштабных исследований с использованием спонтанных данных было проведено на базе сигналов сотовых телефонов оператора «Мегафон» в пределах Москвы [Новиков и др., 2013]. С помощью этих данных удалось выявить особенности суточных передвижений жителей внутри города⁵. Спонтанные данные можно также получать, анализируя информацию с устройств, отправляющих электронные письма [Zagheni, Weber, 2012], данные мобильных приложений с геопривязкой (Twitter, Foursquare) [Jurdak et al., 2015].

Еще один тип данных, который возможно получить, используя интернет-источники, — данные социальных сетей. Некоторые из них можно отнести к спонтанным (твиты, посты и изображения с геопривязкой — см., например, [Города без границ..., 2016]), другие представляют собой более «стабильные» данные о пользователях (пол, возраст, место жительства, учебы, работы). Одно из преимуществ такого рода данных (по сравнению с данными сотовых операторов) заключается в их доступности и детальности. Пользователи социальных сетей «ВКонтакте» и «Фейсбук» — достаточно показательная группа для исследования характеристик жителей, особенно в пределах городских агломераций, где доля пользователей социальных сетей выше, чем в сельской местности. Одной из особенностей данных из социальных сетей является их субъективность: пользователь сам решает, какую информацию указать в анкете. Это можно расценивать и как недостаток, и как потенциальную возможность исследовать самоидентификацию жителей в пространстве агломерации.

Настоящая работа посвящена апробации метода анализа данных из социальных сетей (в данном случае — сеть «ВКонтакте») в исследовании городских агломераций России.

3 Информация о том, к какой территориальной единице человек себя относит.

4 Спонтанные городские данные — информация, которая формируется неумышленно, через повседневные действия людей.

5 Например, тот факт, что 2/3 жителей Москвы не перемещаются в течение первой половины дня и не покидают пределы своего района.

Основой для данного исследования послужил массив данных, полученный в результате обработки анкет пользователей социальной сети «ВКонтакте» (vk.com), находящихся в открытом доступе. Сбор анкет осуществлялся с января по март 2015 г. Из анкет пользователей извлекалась информация о текущем месте проживания (поле «город») и о дате рождения; также извлекалась и иная информация (подробнее см. [Интерактивный атлас..., 2017]), однако она не использовалась в рамках данного исследования. Установленные места проживания пользователей были затем привязаны к административным единицам Российской Федерации (муниципальным районам, городским округам, внутригородским территориям городов федерального значения) с использованием информации о населенных пунктах из социальной сети «ВКонтакте» — текстового описания, обычно содержащего название района, в котором расположен населенный пункт. Привязка осуществлялась путем геокодирования с использованием информации OpenStreetMap [OpenStreetMap..., 2017]. Сформированная таким образом таблица соответствия между населенными пунктами, упоминаемыми в социальной сети «ВКонтакте», и административными единицами была проверена экспертно и при необходимости скорректирована.

Результатом описанной выше процедуры стала таблица, содержащая количество пользователей социальной сети «ВКонтакте» по состоянию на начало 2015 г. в муниципальных районах, городских округах и городах федерального значения. Путем суммирования были получены аналогичные данные для субъектов Федерации. Общее количество анкет, получивших «территориальную привязку» в России, составило около 88 млн.

Для сопоставления числа пользователей с населением Российской Федерации использовались данные о населении из базы данных показателей муниципальных образований [База данных показателей..., 2017] по состоянию на 1 января 2015 г.

Пространственное распределение пользователей

На рис. 1 представлена картосхема, отображающая долю пользователей социальной сети «ВКонтакте» в населении субъектов Российской Федерации.

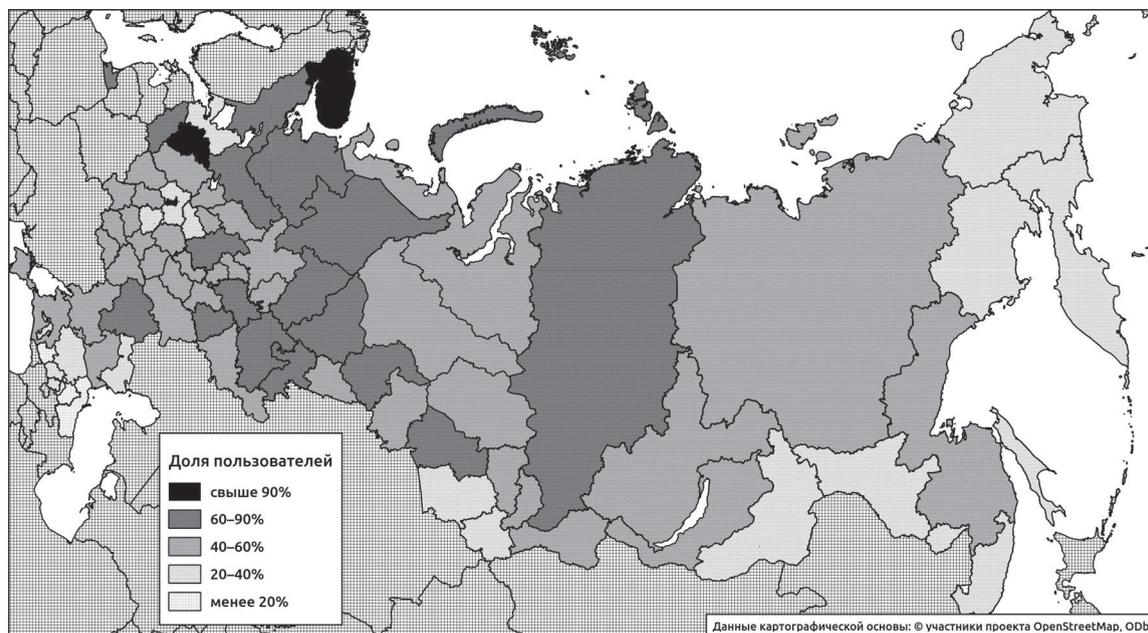
Неравномерность в распределении доли пользователей видна уже на уровне субъектов Федерации. В северо-западных регионах страны доля пользователей выше: возможно, это объясняется тем, что социальная сеть «ВКонтакте» была изначально разработана в Санкт-Петербурге. Исключением оказывается Ленинградская область с долей пользователей 34%: гипотезы о причинах этого явления будут сформулированы ниже. В Санкт-Петербурге, Мурманской области и Новгородской области доля пользователей превышает 90%. При этом в Мурманской области доля пользователей составляет 92%, а в Санкт-Петербурге и Новгородской области — превышает 100%.

В случае с Новгородской областью, скорее всего, имеет место некий курьез: по видимому, слишком многие пользователи из другого Новгорода (Нижнего) по какой-то причине — то ли по ошибке, то ли с неким умыслом — решили приписать себя к Великому Новгороду. Для города с населением около 200 тыс. человек это привело к данным, в которых уровень «шума» делает их практически бесполезными.

К счастью, подобная ситуация повторяется не слишком часто, хотя и встречается при переходе на уровень муниципальных районов и городских округов. Здесь причиной курьезных данных оказываются деревни, одноименные с крупными городами Российской Федерации. Так, например, деревня Москва непоправимо портит данные по Порховскому району Псковской области. Дополнительные исследования показали, что выбор этой деревни в качестве места проживания действительно осуществляется преимущественно пользователями, на самом деле проживающими в городе Москве.

Анализ долей пользователей по районам и городским округам дает основания полагать, что подобные ситуации, порожденные совпадением топонимов, являются скорее исключением, нежели правилом. Сопоставление данных, незашумленных подобным образом, позволяет выявить некоторые интересные закономерности.

Прежде всего, и это вполне ожидаемо, «население» социальной сети «ВКонтакте» сильно урбанизировано. Данные о числе пользователей и жителей в городских округах и городах федерального значения с наибольшим числом пользователей из социальной сети приведены в табл. 1.

Использовано программное обеспечение ArcGIS®, copyright © Esri

Рис. 1. Доля пользователей социальной сети «ВКонтакте» от населения субъектов Российской Федерации

Источник: составлено авторами по данным [Доля пользователей..., 2017].

Таблица 1. Число пользователей и жителей в городских округах и городах федерального значения с наибольшим числом пользователей

Город	Пользователи	Население	Доля, %
Москва	15 350 629	12 330 126	124
Санкт-Петербург	7 465 632	5 191 690	144
Екатеринбург	1 867 963	1 461 372	128
Новосибирск	1 729 667	1 567 087	110
Казань	1 720 459	1 205 651	143
Уфа	1 381 220	1 115 885	124
Нижний Новгород	1 334 154	1 276 560	105
Самара	1 321 095	1 171 890	113
Волгоград	1 294 575	1 017 451	127
Краснодар	1 293 842	917 855	141
Челябинск	1 282 824	1 183 387	108
Красноярск	1 260 259	1 053 225	120
Ростов-на-Дону	1 254 601	1 114 806	113
Пермь	1 165 625	1 036 476	112
Омск	1 145 574	1 173 854	98
Воронеж	758 958	1 023 570	74

Источник: составлено авторами по данным [Доля пользователей..., 2017].

В *табл. 1* приведены все административные единицы указанного уровня, в которых число пользователей или жителей превысило 1 млн человек. Примечательно, что из городов-миллионников только Воронеж не набрал миллиона пользователей. В то же время Краснодар, не имея миллиона жителей, оказался выше Воронежа по числу пользователей. Перечисленные в *табл. 1* города являются местом проживания для 47% пользователей и всего 23% населения. Таким образом, пользователи социальной сети «ВКонтакте» еще больше, чем жители России, сконцентрированы в городах-миллионниках.

Отметим, что за исключением Омска и Воронежа во всех городах доля пользователей от жителей превышает 100%, т.е. к каждому городу приписывают себя больше людей, чем там проживают согласно официальной статистике. Анализ картосхем на уровне муниципальных районов и городских округов (*рис. 2а, 2б*) позволяет придать этому явлению пространственное измерение и выдвинуть гипотезу о его причинах.

Во-первых, во всех рассмотренных случаях доля пользователей в центральном городе существенно превышает долю пользователей в прилегающих муниципальных районах, на территории которых расположено то, что можно так или иначе считать агломерацией. Во-вторых, и это явление тоже проявляется во всех случаях, хотя в каких-то может быть выражено очень слабо, — для непосредственной окрестности центрального города характерна более низкая доля пользователей, чем для муниципальных районов, более удаленных от центра агломерации. В результате каждый из рассматриваемых городов имеет вокруг себя как бы кольцо из поселений с низкой долей пользователей среди жителей, которое потом — на большем расстоянии — сменяется районами с большим числом пользователей.

Скорее всего, причина этого эффекта состоит в следующем: люди, живущие в агломерации некоторого крупного города, в непосредственной близости от его границы, но формально в ином населенном пункте, по видимому, предпочитают указывать в качестве своего места жительства именно центр агломерации, а не менее известный населенный пункт, входящий в состав агломерации. Живя в физическом пространстве на периферии агломерации, в виртуальном пространстве эти люди ассоциируют себя с ее центром.

Как показало более детальное исследование данных о пользователях, такое поведе-

ние не является прерогативой какой-либо возрастной группы, оно равномерно проявляется во всех возрастных группах, представленных в данных. То есть подобные лакуны вокруг центров агломераций образуются и при сужении группы рассматриваемых пользователей «ВКонтакте» до какой-либо возрастной когорты.

Фрагменты картосхем, приведенные на *рис. 2а, 2б*, также позволяют увидеть, что подобные кольцевые лакуны появляются не только в крупных агломерациях, но и вокруг меньших городов, правда, менее выражено.

Дробность деления Московской области на муниципальные образования позволяет более детально рассмотреть количественные характеристики перераспределения пользователей между территориальными единицами. В среднем по области доля пользователей составляет 28% (и это ниже, чем, например, в Ленинградской области, — 34%). При этом в наиболее населенных муниципальных образованиях области доля пользователей зачастую оказывается еще ниже (*табл. 2*).

Приведенные в *табл. 2* муниципальные образования расположены достаточно близко от Москвы, в большинстве своем они с ней граничат. При этом почти все они, за исключением Подольска, существенно проигрывают по доле пользователей крупным городам Московской области, более удаленным от центра агломерации: Звенигороду (49%), Серпухову (56%), Орехово-Зуеву (50%). Для меньших городов, находящихся в отдалении от Москвы, характерна доля в 30%, а вот у небольших населенных пунктов, расположенных в непосредственной близости от столицы, доли пользователей похожи на приведенные в таблице: Железнодорожный — 20%, Реутов — 18%, Лыткарино — 24%, Котельники — 8% (*рис. 3*).

Если предположить некоторую иерархию населенных пунктов по вовлеченности жителей в электронные социальные сети, то вряд ли какие-либо муниципальные образования из *табл. 2* оказались бы в этой иерархии ниже, чем Серпухов или Звенигород. Таким образом, предполагая, что во всех муниципальных образованиях из *табл. 2* доля пользователей должна быть не менее 50%, мы получаем чуть более 640 тыс. пользователей, которых «не досчитались» эти поселения. Разумно предположить, что все эти люди предпочли указать в качестве своего места проживания Москву.

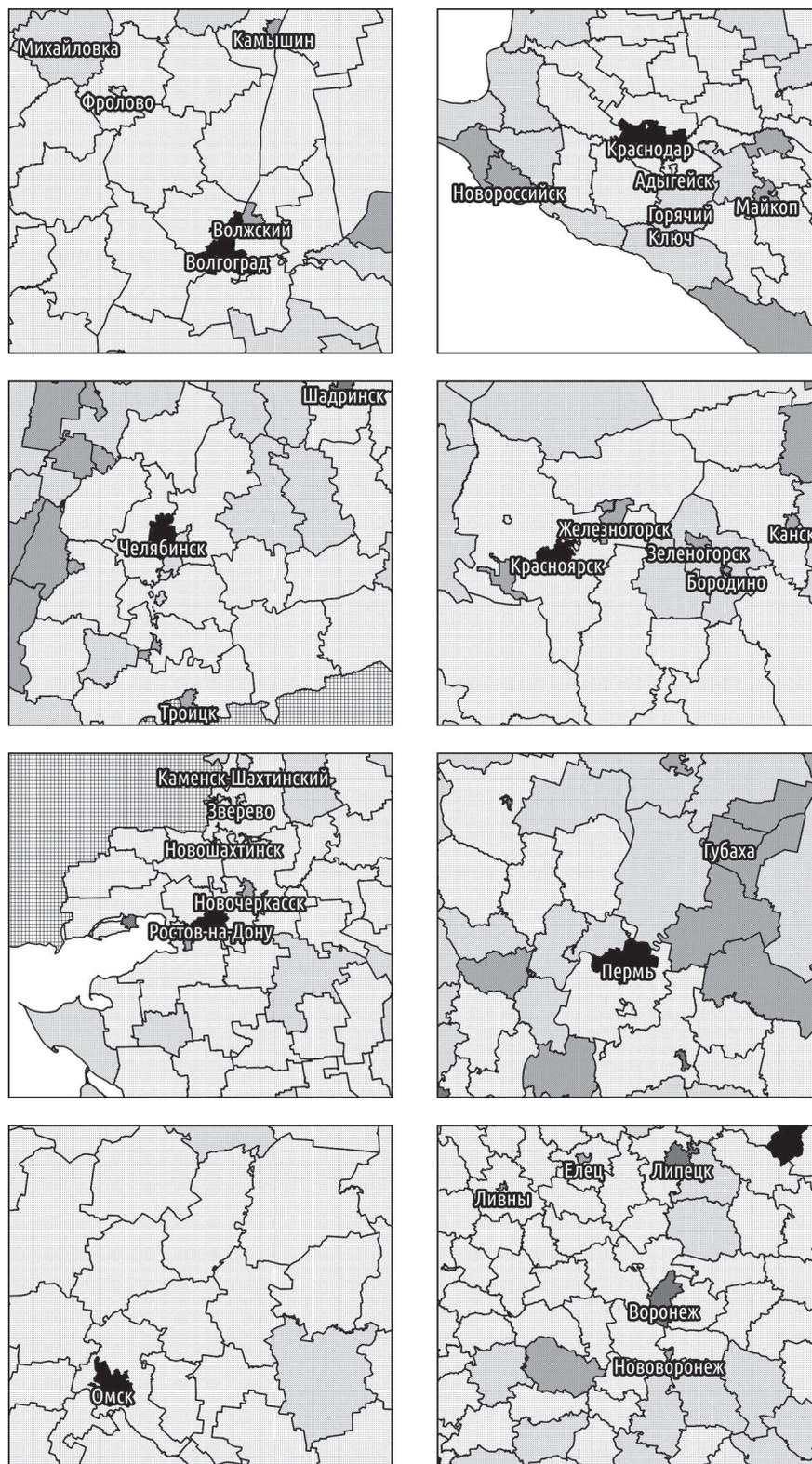

Данные картографической основы: © участники проекта OpenStreetMap, ODbL

Использовано программное обеспечение ArcGIS®, copyright © Esri

Рис. 2а. Доля пользователей социальной сети «ВКонтакте» от населения муниципальных образований в окрестностях крупных городов в России (шкала идентична шкале рис. 1)

Источник: составлено авторами по данным [Доля пользователей..., 2017].

Данные картографической основы: © участники проекта OpenStreetMap, ODbL

Использовано программное обеспечение ArcGIS®, copyright © Esri

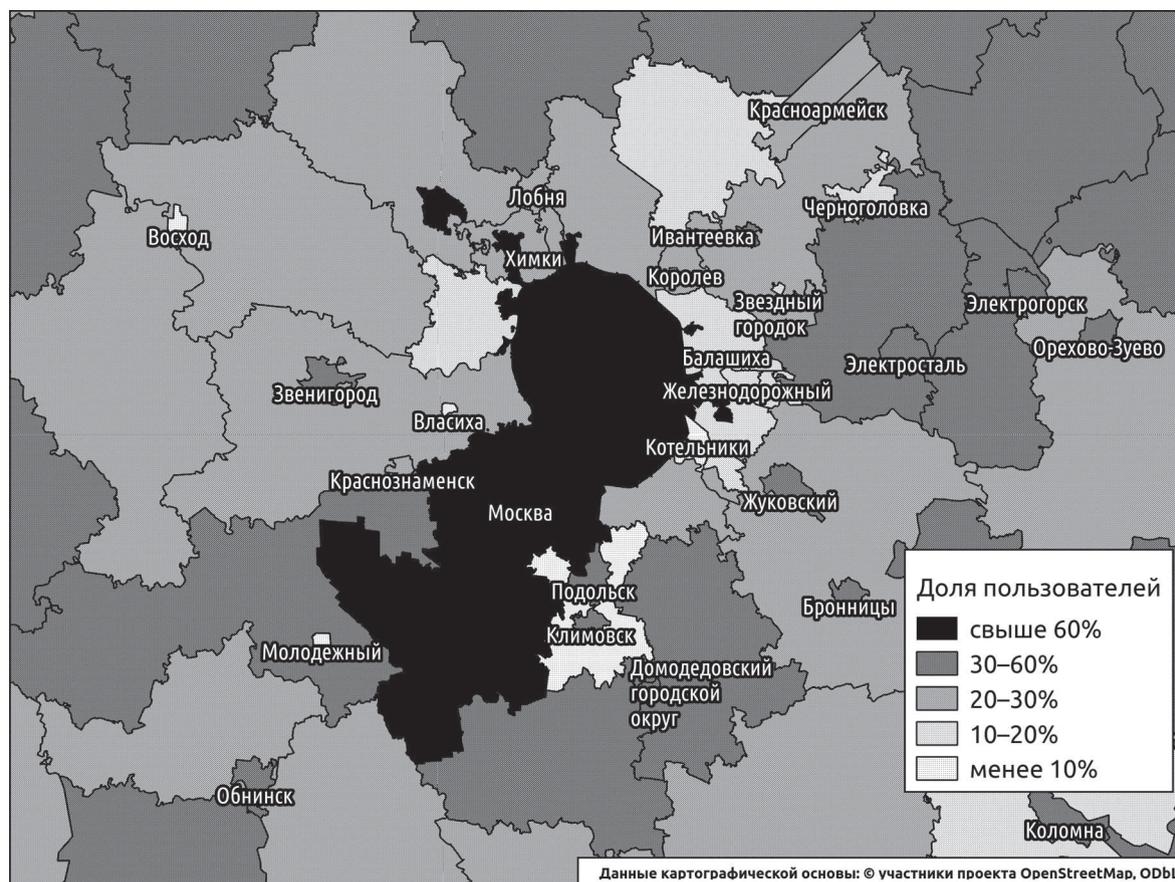
Рис. 26. Доля пользователей социальной сети «ВКонтакте» от населения муниципальных образований в окрестностях крупных городов в России (шкала идентична шкале рис. 1)

Источник: составлено авторами по данным [Доля пользователей..., 2017].

Таблица 2. Число пользователей и жителей в наиболее населенных муниципальных образованиях Московской области

Муниципальное образование	Пользователи	Население	Доля, %
Одинцовский район	66 045	321 673	21
Люберецкий район	55 265	291 510	19
Раменский район	59 228	278 632	21
Балашиха	52 387	271 961	19
Дзержинский	10 234	244 616	4
Химки	48 210	232 066	21
Подольск	102 660	223 896	46
Мытищинский район	55 535	221 777	25
Королев	66 284	220 947	30
<i>Итого</i>	<i>515 848</i>	<i>2 307 078</i>	<i>22</i>

Источник: составлено авторами по данным [Доля пользователей..., 2017].

Использовано программное обеспечение ArcGIS®, copyright © Esri

Рис. 3. Доля пользователей социальной сети «ВКонтакте» от населения муниципальных образований в окрестностях Москвы

Источник: составлено авторами по данным [Доля пользователей..., 2017].

Основные выводы

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

Вполне ожидаемо, исследуемое «виртуальное население» сильно урбанизировано: в городах-миллионниках и Краснодаре сконцентрировано около половины (47%) всех пользователей социальной сети «ВКонтакте».

Представленные картосхемы (рис. 2а, 2б) наглядно иллюстрируют центр-периферийную структуру городских агломераций, во всех примерах четко обозначая ее ядро. Во всех рассмотренных агломерациях, кроме Воронежа и Омска, у центрального города было выявлено превышение количества пользователей «ВКонтакте» над общим числом жителей города. У соседних с городом-ядром муниципальных образований, напротив, доля пользователей относительно мала. На карте это выражается в «провалах» значения доли пользователей у соседних с центром (ядром) муниципальных образований. Гипотетический гипертрофированный центр свидетельствует о сильных связях периферии с центром, о большой роли маятниковой миграции. Например, человек из Реутова, работающий в Москве и большую часть времени проводящий в ее пределах, с большей вероятностью припишет себя к Москве, нежели к Реутову, чем житель Реутова, работающий там же.

С развитием инфраструктуры и ростом связности внутри агломерации прилегающие к городу-ядру территории функционально и семантически становятся все более похожими на него, в той или иной мере в сознании людей начинают отождествляться с ним. Показателен пример Московской агломерации: муниципальные образования, географически наиболее близкие к столице, значительно проигрывают в доле пользователей более отдаленным от нее территориальным единицам (табл. 2, рис. 3). Нужно также учитывать, что данные, полученные из социальных сетей, субъективны и предназначены в том числе для того, чтобы их увидели другие пользователи. Отнесение себя к жителям города-центра агломерации, безусловно, повышает статус пользователя в глазах просматривающих его профиль. Еще одной возможной причиной может быть указание центрального города в качестве ориентира, т.е. более известного, узнаваемого пункта, чем то муниципальное образование, в котором живет пользователь. Однако без

дополнительных исследований мы не можем доподлинно сказать, какая из причин в этом случае имеет решающее значение.

Имеющиеся данные также дают возможность оценить примерное количество тех пользователей, которые предпочли отнести себя к центру, официально проживая за его пределами, и которых «не досчитались» на периферии⁶. Так, для условной агломерации с центром в Москве⁷ число таких пользователей оценивается снизу в 640 тыс.

Заключение

В заключение еще раз отметим, что для изучения современных городских агломераций, сложных и динамично развивающихся территориальных образований, уже недостаточно существующей официальной статистики. Поэтому в данной сфере ведется непрерывный поиск альтернативных источников данных и методов, позволяющих их получить. Данные пользователей социальной сети «ВКонтакте» не претендуют на комплексность и репрезентативность, но дают возможность увидеть своеобразный «виртуальный» срез жителей агломерации и через его характеристики больше узнать о самой агломерации (о ее структуре, самоидентификации жителей внутри нее).

В дальнейшем собранные данные также могут быть использованы и при определении или уточнении границ агломерации. Изначально данные пользователей собирались по более дробным территориальным единицам, и только затем были сгруппированы по муниципальным образованиям. Это дает возможность для проведения более локального исследования и более точного проведения границы агломерации (либо на основе показателя доли пользователей во всем населении, либо на основе данных о плотности распределения пользователей на прилегающей к ядру агломерации территории).

Более того, использованная в данном исследовании база данных [Интерактивный атлас..., 2017] дает возможность работать и с характеристиками самих пользователей: имеющиеся данные позволяют оценить масштаб и направление их миграций внутри

6 При достаточно дробном административном делении внутри агломерации.

7 Для удобства подсчетов имеются в виду территории двух субъектов: Москвы и Московской области.

агломерации, половозрастную структуру ее «виртуальных жителей», уровень их образования. Одним из возможных направлений может стать исследование образовательной миграции внутри агломерации на уровне муниципальных образований. Имеющиеся данные, например, для московской агломерации, позволяют определить, какое количество людей, учившихся в школе на периферии, поступили в вуз в Москве. Такое исследование возможно и для других агломераций с достаточным дробным административным делением. Собранная база также открывает возможности для исследования социально-

го капитала жителей агломерации (опять же на уровне муниципалитетов). Так, на основе анализа списка друзей пользователей можно сделать вывод, у каких муниципальных образований круг друзей у пользователей больше и географически шире, какие из них больше «дружат» с центром, а какие — меньше.

При необходимости более дробного территориального деления, чем муниципальные районы и городские округа, можно также произвести новый сбор анкет пользователей социальной сети, например, выбирая пользователей, проживающих в определенных населенных пунктах.

Источники

- База данных показателей муниципальных образований (2017) Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 15.11.2016).
- Бозэ Э. (2007) Городская агломерация: старое название — новое содержание // Российское экспертное обозрение. № 4–5 (22). С. 13–16. Режим доступа: http://www.csr-nw.ru/files/csr/file_category_820.pdf (дата обращения: 15.11.2016).
- Города без границ: измерение миграционных процессов в городских агломерациях с использованием спонтанных данных. Режим доступа: http://habidatum.com/wp-content/uploads/2016/09/aglo_pdf-rus.pdf (дата обращения: 15.11.2016).
- Доля пользователей от населения (2017) // Интерактивный атлас «Виртуальное население России». Режим доступа: <http://webcensus.ru/vmap/доля-пользователей/> (дата обращения: 15.01.2017).
- Интерактивный атлас «Виртуальное население России» (2017) Режим доступа: <http://webcensus.ru> (дата обращения: 15.01.2017).
- Лаппо Г.М. (2007) Городские агломерации СССР — России: особенности динамики в XX веке // Российское экспертное обозрение. № 4–5 (22). С. 6–9.
- Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. (2012) Московская агломерация и «Новая Москва» // Pro et Contra. № 6 (57). С. 19–32. Режим доступа: http://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_57_19-32.pdf (дата обращения: 15.11.2016).
- Новиков А.В., Серова Е.И., Богоров В.Г. (2013) Самопознание города. Раздел «Данные» // Археология Периферии. С. 344–366. Режим доступа: http://mosurbanforum.ru/uploads/book/file/6/Археология_периферии.pdf (дата обращения: 15.11.2016).
- Чекмышев О.А., Яшунский А.Д. (2014) Извлечение и использование данных из электронных социальных сетей: препринт ИПМ им. М.В. Келдыша. № 62. Режим доступа: <http://library.keldysh.ru/preprint.asp?id=2014-62> (дата обращения: 15.11.2016).
- Deville P. et al. (2014) Dynamic population mapping using mobile phone data // Proceedings of the National Academy of Sciences. Vol. 111. No. 45. P. 15888–15893.
- Zagheni E., Weber I. (2012) You are where you E-mail: Using E-mail Data to Estimate International Migration Rates // Proc. ACM WebSci. June 22–24. Evanston, Illinois, USA. N.Y.: ACM. P. 497–506. Режим доступа: http://www.demogr.mpg.de/publications/files/4598_1340471188_1_Zagheni&Weber_Websci12.pdf (дата обращения: 15.11.2016).
- Jurdak R. et al. (2015) Understanding Human Mobility from Twitter. Режим доступа: <http://arxiv.org/pdf/1412.2154v3.pdf> (дата обращения: 15.11.2016).
- OpenStreetMap Nominatim: Search. Режим доступа: <https://nominatim.openstreetmap.org/> (дата обращения: 15.11.2016).
- United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2015). World Urbanization Prospects: The 2014 Revision (ST/ESA/SER.A/366). Режим доступа: <https://esa.un.org/unpd/wup/Publications/Files/WUP2014-Report.pdf> (дата обращения: 15.11.2016).

O. IVLIEVA, A. YASHUNSKY

VIRTUAL URBANIZATION

Authors

Olga Ivlieva, National Research University Higher School of Economics Master student.

E-mail: olya.ivlieva@gmail.com

Alexey Yashunsky, Russian Academy of Sciences Keldysh Institute of Applied Mathematics, Head of sector, PhD.

E-mail: yashunsky@keldysh.ru

Abstract

This article analyzes sixteen of Russia's largest cities and their agglomerations by means of collecting data from the Vkontakte social network. Analysis of maps representing collected data reveal a peculiar self-identification among users living within the agglomerations in question: Those who dwell in municipal districts located along the agglomeration's periphery tend to associate themselves with the agglomeration's center. The authors suggest possible reasons for this behavior and demonstrate the potential for further research using this collected data.

Key words: urbanization; agglomeration; social network data analysis; virtual population

References

- Baza dannyh pokazateley munitsipal'nykh obrazovaniy* (2017) [Database of municipal units' indices]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (accessed: 15.11.2016).
- Boze E. (2007) Gorodskaya aglomeratsiya: staroe nazvanie – novoe sodержanie [Urban agglomeration: old title, new content]. *Rossiyskoe ekspertnoe obozrenie* [Russian expert review], no 4–5 (22), pp. 13–16. Available at: http://www.csr-nw.ru/files/csr/file_category_820.pdf (accessed: 15.11.2016).
- Goroda bez granits: izmerenie migratsionnykh protsessov v gorodskikh aglomeratsiyakh s ispolzovaniem spontannykh dannykh* [Cities without Boundaries: Evaluating Human Migration in Urban Agglomerations Based on Spontaneous Data]. Available at: http://habidatum.com/wp-content/uploads/2016/09/aglo_pdf-rus.pdf (accessed: 15.11.2016).

- Deville P. et al. (2014) Dynamic population mapping using mobile phone data. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 111, no 45, pp. 15888–15893.
- Dolya polzovateley ot naseleniya (2017) [Users' share in population]. *Interaktivnyi atlas "Virtualnoe naseleniye Rossii"* [Interactive atlas "Virtual population of Russia"]. Available at: <http://webcensus.ru/vmap/доля-пользователей/> (accessed: 15.01.2017).
- Interaktivnyi atlas "Virtualnoe naseleniye Rossii"* (2017) [Interactive atlas "Virtual population of Russia"]. Available at: <http://webcensus.ru> (accessed: 15.01.2017).
- Jurdak R. et al. (2015) *Understanding Human Mobility from Twitter*. Available at: <http://arxiv.org/pdf/1412.2154v3.pdf> (accessed: 15.11.2016).
- Lappo G.M. (2007) Gorodskie aglomeratsii SSSR – Rossii: osobennosti dinamiki v XX veke [Urban agglomerations in USSR – Russia: dynamics particularities in the 20th century]. *Rossiyskoe ekspertnoe obozrenie* [Russian expert review], no 4–5 (22), pp. 6–9.
- Mahrova A.G., Nefedova T.G., Treyvish A.I. (2012) Moskovskaya aglomeratsiya i "Novaya Moskva" [Moscow agglomeration and the "New Moscow"]. *Pro et Contra*, no 6 (57), pp. 19–32. Available at: http://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_57_19-32.pdf (accessed: 15.11.2016).
- Novikov A.V., Serova E.I., Bogorov V.G. (2013) Samopoznanie goroda. Razdel "Dannye" [City self-perception. "Data" section]. *Arheologiya Periferii* [Periphery archeology], pp. 344–366. Available at: http://mosurbanforum.ru/uploads/book/file/6/Археология_периферии.pdf (accessed: 15.11.2016).
- Chekmyishev O.A., Yashunskiy A.D. (2014) *Izvlечение i ispolzovanie dannykh iz elektronnykh sotsialnykh setey* [Extracting and using data from online social networks]: Working Paper IPM im. M.V. Keldysha [Keldysh Institute of Applied Mathematics preprints], no 62. Available at: <http://library.keldysh.ru/preprint.asp?id=2014-62> (accessed: 15.11.2016).

К.П. ГЛАЗКОВ

ЛИЦЕНЗИЯ НА НЕЗАВИСИМУЮ МОБИЛЬНОСТЬ ШКОЛЬНИКОВ

В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ С РОДИТЕЛЯМИ^{1,2}

Urban Studies and Practices Vol.1 #4, 2016, 37-46

<https://doi.org/10.17323/usp14201637-46>

Автор: Глазков Константин Павлович, аспирант, преподаватель департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», магистр градостроительства.

E-mail: glazkov.konst@gmail.com

Аннотация

Независимая мобильность считается важным фактором в развитии детей. В настоящей статье на данных опроса школьников ($N = 568$) рассматривается вопрос формирования разрешительных и запретительных установок на независимую мобильность в зависимости от форматов родительского сопровождения и самостоятельного посещения мест детьми. Была выявлена двойственная связь между тем, с кем бывают школьники разных возрастных групп (8–12, 13–17 лет) в самых удаленных от дома и самых посещаемых местах, и расстоянием до этих мест. Если школьники посещают места неподалеку от дома одни, то расстояние от дома до самых удаленных мест у них больше, чем у школьников, которые самостоятельно перемещаются вдали от дома. Однако если школьники бывают одни в самых удаленных местах, то часто посещаемые места находятся дальше от дома. Выявленная взаимосвязь описывается механизмами ближнего и дальнего радиуса родительского контроля, когда совместное с родителями посещение («ближний радиус») удаленных мест способствует увеличению доверия со стороны родителя к независимой мобильности школьника и, как следствие, расстояний посещаемых мест от дома, в то время как самостоятельное посещение («дальний радиус») близлежащих мест также увеличивает расстояние самых удаленных мест, но уже не на основании родительской опеки, а на основании успешного опыта мобильности самого ребенка.

Ключевые слова: дети в городе; независимая мобильность; лицензия на независимую мобильность; ближний и дальний радиус родительского контроля

Введение

Исследования последних 25 лет в области изучения детской мобильности свидетельствуют о ее снижении как в долгосрочной (с 1970-х годов), так и в краткосрочной перспективе (с 2000-х годов). Этот тренд характерен для многих развитых стран, среди них: Великобритания [O'Brien et al., 2000], Финляндия [Kytta, 2004], Швеция [Johansson, 2004], Австралия [Timperio et al., 2004], Новая Зеландия [Tranter, Pawson, 2001] и Италия [Alparone, Pacilli, 2012]. Например, в Великобритании степень независимой мобильности среди детей младшей и средней школы снизилась с 86% в 1970 г. до 25% в 2010 г. [Shaw et al., 2013].

При этом исследователи продолжают настаивать на том, что независимая мобильность остается одной из ключевых компонент в процессе взросления. Помимо медицинских показаний, свидетельствующих в пользу большей степени подвижности и перемещений в детском и подростковом возрасте [Dencker, Andersen, 2008], имеются указания на важность обретения позитивного опыта участия ребенка в разных социальных ситуациях, что впоследствии спо-

¹ Статья подготовлена по данным Центра исследований современного детства НИУ ВШЭ.

² Автор выражает признательность Центру исследований современного детства НИУ ВШЭ и, в частности, Елизавете Сивак за поддержку, комментарии и критику в процессе подготовки данной статьи.

способствует более эффективной социализации ([Lareau, 2002; в контексте образовательных привязаний см. [Акифьева, 2014]).

Тем не менее на данный момент по результатам отдельных исследований уровень независимой мобильности сохраняет довольно низкие показатели. Так, проведенное в Австралии исследование [Veitch et al., 2008] показало, что среди детей 8–12 лет 32% могут удаляться от дома без сопровождения взрослого только на расстояние до 100 м, 32% — на расстояние до 1 км и 36% — более 1 км. В другом австралийском исследовании [Villanueva et al., 2012] было установлено, что среднее расстояние, на которое дети 10–12 лет удаляются от дома без взрослых, составляет 800 м.

Эти результаты согласуются и с установками родителей по поводу независимой мобильности. Например, в Австралии среди родителей, у которых дети находятся в возрасте от 8 до 12 лет, 62% не разрешают гулять без присмотра далее 500 м от дома, 74% — играть без присмотра далее 500 м от дома [Schoeppe et al., 2015]. При этом значимые факторы, которые связаны со степенью свободы перемещения детей, иногда ограничены полом и уровнем образования родителей. Среди родителей, которые склонны запрещать детям независимо передвигаться и играть, больше женщин и людей с низким уровнем образования. Возраст, семейный статус родителей и тип поселения не имеют значимых статистических связей с дальностью независимой мобильности [Ibid., p. 3].

Однако набор значимых факторов, влияющих на степень независимой мобильности среди детей, сильно варьируется в разных исследованиях. На наш взгляд, имеет смысл выделить две группы переменных, описывающих установки на мобильность с точки зрения детей и родителей. Так, существуют факторы, которые повышают или снижают уровень перемещений детей по городу, а также факторы, которые в большей или меньшей степени убеждают родителей отпускать детей одних. К первой группе факторов относятся: наличие сверстников и компаний [O'Brien et al., 2000], плотность автомобильного трафика, загрязнение среды [Johansson, 2006], большие масштабы городской среды, неразвитость детской инфраструктуры [Gaster, 1991], к факторам второй группы: возраст ребенка, наличие старших братьев и сестер [van der Speck, Noyon, 1997], пол и статус этнического меньшинства [O'Brien et al., 2000], оценка социального контекста района (ощущение сообщества, отношения между соседями, криминогенность обстановки, присутствие исправительных и диспансерных учреждений), наличие парка и озелененных территорий [Alparone, Pacilli, 2012].

Таким образом, возможны конфликтные ситуации между двумя группами факторов, когда качество городской среды располагает к независимой мобильности детей, а субъективные оценки обстановки не позволяют родителям отпускать детей без присмотра, и наоборот.

Противоречивые ожидания по отношению к ребенку заключаются еще и в том, что, с одной стороны, современные дети рассматриваются как продвинутые пользователи в различных городских обстоятельствах, с другой стороны, для современного города характерно наличие множества физических преград в виде быстро движущегося транспорта, разрывов и ограничений доступа, связанных в том числе с запретами родителей [O'Brien et al., 2000, p. 258].

Помимо снижения доли независимых перемещений детей отмечаются изменения в структуре мобильности, а именно в видах используемого транспорта. Например, с 1990 по 1998 г. доля детей, добирающихся до школы пешком, сократилась с 70% до 54%, на автомобиле — выросла с 28% до 39%, на общественном транспорте — сохранилась на низком уровне и составила всего 6% [O'Brien et al., 2000, p. 272]. По данным исследования [Сивак, Глазков, 2017], по сравнению с Лондоном московские школьники в значительно меньшей степени пользуются личным автомобилем, чтобы добраться до школы (0,4%), в основном добираются пешком или на велосипеде/самокате (92%), и примерно столько же детей используют общественный транспорт (7%).

Отмеченные выше изменения хорошо описываются понятием «родительская лицензия», предложенным британским исследователем М. Хиллманом [Hillman et al., 1990]. Понятие подразумевает оценку родителями зрелости и самостоятельности своего ребенка, которые необходимы для того, чтобы справиться с различного рода трудностями за пределами дома. Таким образом, данное понятие в большей степени затрагивает факторы второй группы, связанные с родительским контролем. При этом родительский контроль получает обоснование на при-

мерах из повседневного перемещения, так как решение отпускать/не отпускать ребенка принимается на основании набора параметров, которые со временем уточняются и проверяются на практике.

Задача настоящей статьи — раскрыть набор параметров, который определяет установки по поводу независимой мобильности детей 8–12 лет в Москве. Мы покажем, как связана степень родительского сопровождения ребенка вне школы с радиусом и частотой фактических перемещений детей в городе. В частности, мы сравним средние расстояния от дома до самых посещаемых и самых удаленных мест у детей, которые бывают в этих местах одни или в сопровождении друзей и родителей.

Методология

Выборка и метод опроса

Опрос школьников проводился в пяти московских школах весной 2016 г. Одна школа расположена в центральном районе (Басманный), остальные — в удаленных от центра районах (Капотня, Дмитровский, Ярославский, Ясенево). Проводился сплошной опрос школьников 2, 4 и 5–10-х классов; анкету ребенок заполнял на компьютере в классе. Всего в итоговом массиве содержатся ответы 568 школьников в возрасте от 8 до 17 лет.

Описание переменных

Расстояние от дома до самых удаленных мест. В рамках опроса школьники заполняли анкеты на компьютерах, где отмечали в картографическом редакторе местоположение своего дома и до десяти мест, в которых бывают во внешкольное время, а также как часто и с кем бывают в этих местах. В ходе обработки данных мы рассчитали расстояния между парами геопозиций («дом — место 1» и т.д.), после чего определили для каждого школьника самое удаленное от дома место и расстояние до него.

Расстояние до самых посещаемых мест. Мы установили для каждого школьника одно место, в котором он/она бывает чаще всего, после чего рассчитали расстояние до него от дома.

Частота посещения самых удаленных мест. Для самых удаленных мест бралась переменная по количеству посещений конкретного места в течение месяца.

Частота посещения самых посещаемых мест. Для самых посещаемых мест бралась переменная по количеству посещений конкретного места в течение месяца.

С кем ребенок бывает в самом удаленном месте. Для самых удаленных мест бралась переменная по типу сопровождения в конкретном месте (один/одна, с друзьями, с родителями).

С кем ребенок бывает в самом посещаемом месте. Для самых посещаемых мест бралась переменная по типу сопровождения в конкретном месте (один/одна, с друзьями, с родителями).

Результаты

Форматы родительского сопровождения и самостоятельного посещения мест детьми

Теперь обратимся к анализу того, как связано расстояние от дома до посещаемых мест с тем, кто сопровождает ребенка в этих перемещениях. Но перед этим сделаем несколько общих замечаний по поводу распределения используемых переменных.

Если сравнивать возрастные группы школьников (табл. 1), можно отметить, что частота походов в самые посещаемые и самые удаленные места с возрастом не меняется: в 50% самых посещаемых мест школьники бывают 10 раз в месяц и реже, в 50% самым удаленных мест — 4 раза в месяц и реже. Единственное отличие наблюдается по отношению к 25% самых посещаемых мест (Q3), в которых школьники 8–12 лет бывают чаще (24 раза в месяц), чем в 13–17 лет (20 раз в месяц), что, возможно, связано с более плотным родительским наполнением программы дополнительного образования в этом возрасте. Дети бывают в самых посещаемых местах в среднем два раза в неделю и чаще, тогда как в самых удаленных местах — один раз в неделю и реже. Расстояния до самых удаленных мест по сравнению с самыми посещаемыми

мыми в 2,5 раза больше: 1200 против 500 по медиане (4900 м против 1600 м, если сравнивать средние). Эффект возраста не столь существенен по отношению к самым посещаемым местам (500 м в 8–12 лет против 850 м в 13–17 лет), сколько к самым удаленным местам (1200 и 3200 м соответственно). Таким образом, самые посещаемые места все равно выбираются ближе к дому, в то время как удаленные места все больше отдаляются от дома с возрастом.

Таблица 1. Частота и удаленность самых посещаемых и удаленных мест

		Все опрошенные школьники	8–12 лет	13–17 лет
Частота – самые посещаемые места (число посещений в месяц)	Q1	5	5	5
	Me	10	10	10
	Q3	20	24	20
Частота – самые удаленные места (число посещений в месяц)	Q1	2	2	2
	Me	4	5	4
	Q3	10	10	10
Удаленность от дома – самые посещаемые места (м)	Q1	300	220	320
	Me	730	500	850
	Q3	2800	1200	3800
Удаленность от дома – самые удаленные места (м)	Q1	790	400	1000
	Me	2600	1200	3200
	Q3	9100	5100	12500

Теперь посмотрим, кто сопровождает школьников при посещении разных мест (табл. 2). В самых удаленных местах школьники 8–12 лет чаще бывают с родителями (49%) и с друзьями (33%), в самых посещаемых местах наблюдается такая же тенденция — с родителями (36%) и с друзьями (37%). Однако в повседневных перемещениях повышается степень самостоятельности ребенка — доля одиночных посещений здесь выше (28% против 18%), что вызвано сокращением доли родительского сопровождения. То есть дальние вылазки происходят по большей части в сопровождении, тогда как ежедневные перемещения на небольшие расстояния более самостоятельны.

Таблица 2. С кем школьники бывают в самых посещаемых и удаленных местах

	Одни, %	С друзьями, %	С родителями, %
Самые удаленные места	18	33	49
Самые посещаемые места	28	37	36

Если соотнести друг с другом типы сопровождения в самых удаленных и посещаемых местах (табл. 3), то выяснится, что между ними есть значимая связь как по всем опрошенным школьникам (критерий хи-квадрат, $p < 10 - 4$), так и по обеим возрастным группам. Характер отношений заключается в том, что форматы посещения удаленных и посещаемых мест взаимосвязаны: если в одних школьник бывает самостоятельно, с друзьями или с родителями, то и в других с тем же сопровождением. Причем если школьники бывают без сопровождения в удаленном месте, то преимущественно остаются одни и в самом посещаемом. Обратное

неверно. Если школьники одни в посещаемом месте, то 16–25% среди них в удаленном месте бывают с родителями.

Таблица 3. С кем бывают школьники (8–12 и 13–17 лет) в самом посещаемом и удаленном месте

			С кем бывает в самом удаленном месте			Всего
			один	с друзьями	с родителями	
С кем бывает в самом посещаемом месте	один	Кол-во человек	109	36	34	179
		Станд. остаток	10,6	-4,4	-3,7	
	с друзьями	Кол-во человек	17	194	53	264
		Станд. остаток	-5,6	8,0	-4,2	
	с родителями	Кол-во человек	4	6	115	125
		Станд. остаток	-4,6	-6,4	10,6	
Всего			130	236	202	568

Теперь обратимся к сопоставлению расстояний от дома до самых посещаемых и удаленных мест, а также того, кто сопровождает школьников в этих перемещениях (Прил. 1, табл. П1–П4). В ходе анализа получены следующие результаты:

1. В среднем посещение мест с родителями увеличивает удаленность мест от дома на 2–3 км (табл. П1–П4) (подробнее см. [Сивак, Глазков, 2017]).
2. В среднем школьники постарше (13–17 лет) посещают места, удаленные от дома на 4 км дальше, чем школьники помладше (8–12 лет) (табл. П1–П4).
3. Если самые посещаемые места школьники 8–12 лет посещают одни, то в среднем их самые удаленные места находятся на 2 км дальше, чем у детей, которые бывают одни в удаленных местах. То есть если у детей и родителей наблюдается баланс по поводу самостоятельного посещения повседневных мест, то дети бывают дальше от дома и в других случаях, чем если бы эти перемещения совершались самостоятельно (табл. П1 и П2).
4. Если в самых посещаемых и удаленных местах школьники продолжают бывать с родителями в 13–17 лет, то разницы по отношению к школьникам 8–12 лет в удаленности часто посещаемых мест нет. То есть при сохранении родительского контроля при частом посещении мест даже с возрастом этот контроль сохраняется, дети не удаляются от дома более чем на 4 км (табл. П3 и П4).
5. Если ребенок 8–12 лет бывает один в удаленных от дома местах, то часто посещаемые места находятся на 600 м дальше от дома, чем у детей, которые бывают в часто посещаемых местах с родителями. И наоборот, если школьник с родителями бывает и в самых удаленных местах, то самые посещаемые места находятся ближе к дому на 800 м. То есть если школьник находится далеко, то он/она может часто посещать более удаленные места, но если родители сопровождают его/ее и в дальних путешествиях, то и повседневные перемещения совершаются ближе к дому (табл. П3 и П4).

Заключение

В настоящем исследовании мы анализировали установки относительно допустимых масштабов независимой мобильности детей — расстояния, на которые можно удаляться от дома, частота посещений и формат сопровождения в перемещениях по городу.

Разрешительные и ограничительные установки связаны с тем, что в литературе принято называть родительской лицензией. Понятие родительской лицензии обладает объяснительным потенциалом именно потому, что позволяет рассматривать возрастные изменения

в перемещении детей в контексте отношений «родители — дети». В то же время, на наш взгляд, данное понятие заслуживает большей метафорической проработки.

Так, например, выданная ранее «лицензия» должна с некоторой периодичностью проходить «переаттестацию». То есть родитель может отправиться вместе с ребенком провести время в городе, чтобы заодно посмотреть, как ребенок справляется с сопутствующими ситуациями (покупки, получение информации, планирование маршрута и т.д.). При успешном прохождении «проверок» у ребенка накапливается позитивная история «безаварийной мобильности», которая служит аргументом для того, чтобы родители разрешали более свободные режимы перемещения по городу. Это размышление подкрепляется нашими результатами, в которых мы выявили важность сопровождения школьников родителями в удаленных местах, что приводит к увеличению расстояния посещаемых мест, а впоследствии и к самостоятельным перемещениям детей на более близкие расстояния.

Таким образом, совместное и независимое перемещение родителей и детей может рассматриваться не как взаимозаменяемые режимы мобильности, а как сопутствующие друг другу, когда один режим способствует развитию другого, а тот дополняет его новыми возможностями. Независимая мобильность не означает разрыва взаимоотношений «родитель — ребенок», напротив, она выступает свидетельством доверия и обмена позитивными сигналами между сторонами. Можно предположить, что дети, поддерживающие «естественный» уровень времяпрепровождения с родителями, обладают большей степенью «независимости» при выборе мест, компаний и дальности перемещений. Напротив, у детей, которые значительное время проводят с родителями или без них, степень «независимости» перемещений снижается, что выражается в передвижениях по однотипным маршрутам недалеко от школы и дома.

Эти предположения отчасти подтверждают наши данные. Можно выделить два механизма, по которым выстраиваются отношения «родители — дети» в аспекте перемещений по городу: «ближний радиус родительского контроля» и «дальний радиус родительского контроля».

Механизм ближнего радиуса контроля связан с ограничительными и разрешающими установками родителей, выработанными в процессе совместного перемещения с детьми, и выражается в следующих взаимосвязях:

Когда родители сопровождают детей, это существенно увеличивает дальность совместно посещаемых мест (на 2–3 км).

Когда родители продолжают сопровождать детей по ежедневным делам, удаленность от дома таких мест не увеличивается с возрастом, хотя самому фактору взросления сопутствует существенное удаление мест от дома (на 4 км).

Сопровождение родителей в удаленные места, которые посещаются один раз в неделю и реже, приводит к снижению на 800 м удаленности самых посещаемых мест, которые посещаются два раза в неделю и чаще.

Механизм дальнего радиуса контроля связан с ограничительными и разрешающими установками родителей, выработанными по отношению к самостоятельным перемещениям ребенка, и выражается в следующих взаимосвязях:

Ребенок самостоятельно совершает ежедневные перемещения, тогда родители отпускают его/ее дальше от дома (на 2 км) и в других случаях.

Ребенок самостоятельно посещает удаленные места, тогда часто посещаемые места находятся дальше от дома (на 600 м).

Самые посещаемые места находятся ближе всего к дому, если ребенок посещает их самостоятельно (1,1 км). Несколько дальше они находятся, если ребенок самостоятельно бывает и в более удаленных местах (1,7 км). По отношению к самым удаленным местам этот принцип работает в обратную сторону. Самые удаленные места находятся ближе от дома (2,6 км), если ребенок самостоятельно добирается до них, и дальше (4,5 км) от дома, если ребенок самостоятельно совершает повседневные перемещения.

Таким образом, фактор самостоятельных перемещений школьников обладает противоречивым эффектом с точки зрения удаленности посещаемых мест. С одной стороны, чем дальше от дома самостоятельно забирается школьник, тем дальше находятся места его повседневных перемещений, и наоборот. В возрасте 8–12 лет есть также статистически значимое различие

по частоте посещения мест поблизости: ребенок, который один бывает в самых удаленных от дома местах, в среднем в 1,5 раза чаще посещает места недалеко от дома, чем ребенок в сопровождении взрослых (2–3 раза в неделю против 1–2 раз в неделю). С другой стороны, самостоятельность в первую очередь обретается в совместном перемещении с родителями. Во-первых, совместные перемещения существенно раздвигают горизонты перемещения детей, которые не побывали бы так далеко от дома, если бы их не сопровождали родители. Во-вторых, совместные перемещения приводят к освоению ребенком пространства повседневных дел, которое в случае постепенной выработки самостоятельности с возрастом способствует расширению географии перемещений в целом. Фактор взросления ребенка играет важную роль при увеличении дальности повседневных и уникальных перемещений. Но рассмотрение и учет фактора взросления во многом зависят от родителей. Решение отпустить ребенка дальше от дома принимается на основе позитивного опыта, который родитель постоянно формирует совместно с ребенком, сопровождая ее/его при посещении повседневных мест. Если у родителей складывается позитивная оценка того, как ребенок справляется в таких ситуациях с различными задачами и трудностями, то они позволяют ребенку («выдают лицензию») совершать более самостоятельные и дальние путешествия. При этом продолжающийся с возрастом контроль, когда родители сопровождают школьника 13–17 лет в самые посещаемые места, может обернуться поддержанием избыточного родительского контроля, выраженного в малом радиусе удаления мест от дома и малой степени самостоятельности ребенка, и номинальное взросление может не получить развития в пространстве фактического взросления.

Источники

- Акифьева Р. (2014) Досуговые практики и образовательные притязания: взаимосвязь с миграционной историей и ресурсами семьи // Демоскоп Weekly. № 611–612.
- Сивак Е.В., Глазков К.П. (2017) Жизнь вне класса: повседневная мобильность школьников // Вопросы образования. (В печати.)
- Alparone F.R., Pacilli M.G. (2012) On Children's Independent Mobility: The Interplay of Demographic, Environmental, and Psychosocial Factors // Children's Geographies. No. 10 (1). P. 109–122.
- Dencker M., Andersen L.B. (2008) Health-related Aspects of Objectively Measured Daily Physical Activity in Children // Clinical Physiology and Functional Imaging. No. 28 (3). P. 133–144.
- Gaster S. (1991) Urban children's access to their neighbourhood. Changes over three generations // Environment and Behavior. No. 23. P. 70–85.
- Hillman M., Adams J., Whitelegg J. (1990) One False Move. L.: Policy Studies Institute.
- Johansson M. (2003) Social dangers as constraints for pro-environmental travel modes. The perception of parents in England and Sweden // Medio Ambiente y Comportamento Humano. No. 1. P. 49–69.
- Johansson M. (2006) Environment and parental factors as determinants of mode for children's leisure travel // Journal of Environmental Psychology. No. 26. P. 156–169.
- Kyttä M. (2004) The extent of children's independent mobility and the number of actualized affordances as criteria for child-friendly environments // Journal of Environmental Psychology. No. 24. P. 179–198.
- Lareau A. (2002) Invisible inequality: social class and childrearing in black families and white families // American Sociological Review. Vol. 67. P. 747–776.
- O'Brien M., Jones D., Rustin M. (2000) Children's Independent Spatial Mobility in the Urban Public Realm // Childhood. Vol. 7. No. 3. P. 257–277.
- Schoeppe S., Duncan M.J., Badland H.M., Rebar, A.L., Vandelanotte C. (2015) Too far from home? Adult attitudes on children's independent mobility range // Children's Geographies. Vol. 14. No. 4. P. 1–8.
- Shaw B., Watson B., Frauendienst B., Redecker A., Jones T., Hillman M. (2013) Children's Independent Mobility: A Comparative Study in England and Germany (1971–2010). L.: Policy Studies Institute.
- Timpero A., Crawford D., Telford A., Salmon J. (2004) Perceptions about the local neighbourhood and walking and cycling among children // Preventive Medicine. No. 38. P. 39–47.
- Tranter P., Pawson E. (2001) Children's access to local environments: A case-study of Christchurch, New Zealand // Local Environment. No. 6. P. 27–48.
- van der Spek M., Noyon R. (1997) Children's freedom of movement in streets // Growing up in a changing urban landscape / R. Camstra (ed.). Assen, the Netherlands: Van Gorcum. P. 102–118.
- Veitch J., Salmon J., Ball K. (2008) Children's Active Free Play in Local Neighborhoods: A Behavioral Mapping Study // Health Education Research. No. 23 (5). P. 870–879.

Приложение 1

Удаленность от дома в зависимости от родительского сопровождения

Таблица П1. Удаленность от дома в зависимости от родительского сопровождения (удаленные/удаленные)

	С кем бывают в самых удаленных местах	Все опрошенные школьники	8–12 лет	13–17 лет
Удаленность от дома – самые удаленные места (м)	одни	5400	2600	6300
	с друзьями	6000	3300	6900
	с родителями	8400	6300	10100

Таблица П2. Удаленность от дома в зависимости от родительского сопровождения (удаленные/посещаемые)

	С кем бывают в самых посещаемых местах	Все опрошенные школьники	8–12 лет	13–17 лет
Удаленность от дома – самые удаленные места (м)	одни	Нет статистической разницы 6200–8200	4500	6800
	с друзьями		3200	7000
	с родителями		6500	10200

Таблица П3. Удаленность от дома в зависимости от родительского сопровождения (посещаемые/удаленные)

	С кем бывают в самых удаленных местах	Все опрошенные школьники	8–12 лет	13–17 лет
Удаленность от дома – самые посещаемые места (м)	одни	Нет статистической разницы 2000–2500	1700	Нет статистической разницы 2200–2800
	с друзьями		700	
	с родителями		2300	

Таблица П4. Удаленность от дома в зависимости от родительского сопровождения (посещаемые/посещаемые)

	С кем бывают в самых посещаемых местах	Все опрошенные школьники	8–12 лет	13–17 лет
Удаленность от дома – самые посещаемые места (м)	одни	2100	1100	Нет статистической разницы 2600–3900
	с друзьями	2400	630	
	с родителями	3500	3100	

K. GLAZKOV

THE LICENSE FOR INDEPENDENT MOBILITY OF SCHOOLCHILDREN

IN THE CONTEXT OF RELATIONS WITH PARENTS^{1,2}

References

- Akif'eva R. (2014) Dosugovye praktiki i obrazovatel'nye prityazaniya: vzaimosvjaz' s migracionnoj istoriej i resursami sem'i [Leisure practices and educational claims: the relationship with migration history and family resources]. *Demoskop Weekly*, no 611–612.
- Sivak E.V., Glazkov K.P. (2017) Zhizn' vne klassa: povsednevnaia mobil'nost' shkol'nikov [Life outside the class: the everyday mobility of schoolchildren]. *Voprosy obrazovanija*. (In print.)
- Alparone F.R., Pacilli M.G. (2012) On Children's Independent Mobility: The Interplay of Demographic, Environmental, and Psychosocial Factors. *Children's Geographies*, no 10 (1), pp. 109–122.
- Dencker M., Andersen L.B. (2008) Health-related Aspects of Objectively Measured Daily Physical Activity in Children. *Clinical Physiology and Functional Imaging*, no 28 (3), pp. 133–144.
- Gaster S. (1991) Urban children's access to their neighbourhood. Changes over three generations. *Environment and Behavior*, no 23, pp. 70–85.
- Hillman M., Adams J., Whitelegg J. (1990) One False Move. L.: Policy Studies Institute.
- Johansson M. (2003) Social Dangers as constraints for pro-environmental travel modes. The perception of parents in England and Sweden. *Medio Ambiente y Comportamento Humano*, no 1, pp. 49–69.
- Johansson M. (2006). Environment and parental factors as determinants of mode for children's leisure travel. *Journal of Environmental Psychology*, no 26, pp. 156–169.
- Kyttä M. (2004) The extent of children's independent mobility and the number of actualized affordances as criteria for child-friendly environments. *Journal of Environmental Psychology*, no 24, pp. 179–198.
- Lareau A. (2002) Invisible inequality: social class and childrearing in black families and white families. *American Sociological Review*, vol. 67, pp. 74–776.

Author: Konstantin Glazkov, doctoral student, lecturer (Department of Sociology NRU HSE), MA in Urban Studies and Planning.

E-mail: glazkov.konst@gmail.com

Abstract

Independent mobility is considered to be an important factor in the development of children. Based on a survey of schoolchildren ($N = 568$), this article examines the formation of permissive and prohibitive settings for independent mobility depending on the formats of parental accompaniment and the self-visit of places by children. We reveal the link between those who accompany schoolchildren of different age groups (8–12, 13–17) in the most remote places from home and the most visited places, and the distance to these places. If schoolchildren visit places close to home alone, the distance from home to the most remote places is more pronounced for them than for schoolchildren who move independently away from home. However, if children are alone in the most remote places, frequently visited places are far away from home. The revealed relationship is described by the mechanisms of the near and distant radius of parental control. A joint visit with the parents (“near radius”) of remote locations contributes to the increase of the parent's confidence in the independent mobility of the child, and as a consequence, of the distances of the places visited from the house. While an independent visit (“distant radius”) of nearby places also increases the distance of the most remote places, it is not on the basis of parental care, but on the successful experience of the children's mobility.

Key words: children in the city space; independent mobility; license for independent mobility; near and “distant radius” of parental control

O'Brien M., Jones D., Rustin M. (2000) Children's Independent Spatial Mobility in the Urban Public Realm. *Childhood*, vol. 7, no 3, pp. 257–277.

Schoeppe S., Duncan M.J., Badland H.M., Rebar A.L., Vandelanotte C. (2015) Too far from home? Adult attitudes on children's independent mobility range. *Children's Geographies*, vol. 14, no 4, pp. 1–8.

¹ The research is based on data of the Center for Modern Childhood Studies of the Higher School of Economics.

² The author is grateful to the Center for Modern Childhood Studies of the Higher School of Economics, and in particular, to Elizaveta Sivak for support, comments, and criticisms in the process of preparing this article.

- Shaw B., Watson B., Frauendienst B., Redecker A., Jones T., Hillman M. (2013) *Children's Independent Mobility: A Comparative Study in England and Germany (1971–2010)*. L.: Policy Studies Institute.
- Timpero A., Crawford D., Telford A., Salmon J. (2004) Perceptions about the local neighbourhood and walking and cycling among children. *Preventive Medicine*, no 38, pp. 39–47.
- Tranter P., Pawson E. (2001) Children's access to local environments: A case-study of Christchurch, New Zealand. *Local Environment*, no 6, pp. 27–48.
- van der Spek M., Noyon R. (1997) Children's freedom of movement in streets. *Growing up in a changing urban landscape* (R. Camstra (ed.)). Assen, the Netherlands: Van Gorcum, pp. 102–118.
- Veitch J., Salmon J., Ball K. (2008) Children's Active Free Play in Local Neighborhoods: A Behavioral Mapping Study. *Health Education Research*, no. 23 (5), pp. 870–879.

S. ROGATCHEV

THE HERALDIC “THEATER” OF RUSSIAN CITIES

Urban Studies and Practices Vol.1 #4, 2016, 47-57
<https://doi.org/10.17323/usp14201647-57>

Author: *Sergei Rogatchev*, Ph.D. in Geography, research fellow, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: [rogachev.mgu@gmail](mailto:rogachev.mgu@gmail.com)

Abstract

The usurpation of the right to unite the surrounding territories bestowed some exclusive rights upon Moscow. Which other coat of arms apart from that of Moscow could surround itself with such a suite, such an entourage, of serving shields of arms on its heraldic map? An almost ideal social and geographical model is drawn up around the capital by the coats of arms of Moscow's retinue: all three principal forces of society are gathered in this national nucleus – those being craftsmen, parishioners and warriors – forming the trade, monastic and defense appendages to St. George's robe.

A century ago, the Bolsheviks placed Russia within a chain of catastrophic events and then effectively ring-fenced the country for about seventy years. The article below was first published in *Geograffity* magazine in the early 1990s when the Iron Curtain finally came down. The emergence of a magazine like *Geograffity* was a result of cultural claustrophobia, and it was one of the first attempts in the former Soviet Union to expose the world to the ideas of Russian intellectuals who had worked in total isolation for so many years.

Geograffity was produced by Quantum Bureau (Russia), a subsidiary of the Russian Academy of Science and a well-known publisher of *Quantum* magazine, an English language replica of *Kvant*, an outstanding Soviet journal popularizing the maths and sciences among the youth. *Geograffity* was printed in Hong Kong and distributed in the U.S., Canada, Europe, and Asia by the McDonald and Woodward publishing house (USA).

Sergei Rogatchev is a tremendously talented professional geographer, lecturer, country-studies specialist (for Africa, the Middle East, and Russia), and geography professor at Moscow State University. “The Heraldic Theater of Russian Cities” is a wonderful piece of geographical representation of Russian identity through the careful analysis, mapping, and interpretation of the coats of arms of the country's cities.

Alexei Novikov,
Geograffity, Editor-in-Chief 1990–1994

Moscow

The wonder of St. George and the dragon

Saint George is striking the dragon lying prostrate at his horse's feet. This image of slaughter, placed in the center of Russia's heraldic map, is uncommon among the Russian regional coats of arms. Moscow's “wonder of the dragon” looks an absolute wonder alongside some of the routine and humdrum subjects which constitute most ancient Russian heraldic

symbols. One comes across such imagery of violence perpetrated against another solely in the coats of arms of Archangel'sk,¹ Novogeorgievsk, and Yegor'yevsk. However, on these coats of arms such themes are merely illustrations interpreting the city names, the heraldic readings of place names. The suggestion of massacre on the coat of arms of Moscow seems, however, to be deliberate, for the capital proclaims through this heraldic bearing its exclusive right to both execution and mercy.

The ancient seal of Kiev also bore a heraldic composition depicting a saint striking the dragon. When it brought the former South Russian capital under its power, Moscow deprived the Kiev warrior of his challenger, and the monster disappeared from Kiev's coat of arms. Recognizing the historical merits of Kiev, Moscow's authorities left an armed archangel on the armorial shield of Kiev, yet wrested from him his right to choose and castigate the enemy independently. The dragon deserving the spear's agonizing thrust could be decided upon only by George the Victorious bearing the gilded shield of Moscow.

Before the unambiguous language of Moscow's heraldry brought the spear-bearing horseman to Kiev,² some nearer provinces had found themselves in the role of the dragon under the onslaught of the center's spear. The Moscow horseman assumed the right to govern and speed up the centralization process, which, in spite of the internecine wars among the local princes, started its development in the area between the Volga and the Oka rivers. When in the 13th century the princes of Tver', Pereyasavl', Vladimir, and Moscow arrived at a concord of unity and their princely crowns came together onto the ermine background of the coat of arms of Dmitrov — "to commemorate the famed reunion of the four Russian princes in this town,"³ their crowned heads never imagined that the "confederation" shield of Dmitrov would soon be headed by Moscow's mounted ruler.⁴ Dmitrov's coat of arms was a testament to the "democratic" alternative to Moscow's sweep across Russia, a monument to an unsuccessful attempt at centralization from below.

Suite of St. George

Usurpation of the right to unite the surrounding territories bestowed upon Moscow some exclusive rights. Which other coat of arms apart from that of Moscow could surround itself with such a suite, such an entourage, of serving shields of arms on its heraldic map? The town of Podol'sk is cutting and trimming the stone for Cyclopean Kremlin buildings with its crossed stone hammers. The silk-spinning wheels of Bogorodsk are turning tirelessly; Aleksandrov is working in metal; the horse-breeders of Bronnitsy are raising "golden horses in green fields" for the court of Tzar Theodor Ioannovich.⁵

- 1 Though according to the coat of arms of Arkhangel'sk, the Warrior is not killing the devil (at least, the heraldic scene tells nothing about it) but merely shaming this mystical enemy of the human race.
- 2 The author alludes to the proverb: "The tongue will lead one to Kiev," i.e., a very well-known place in ancient Russia. But later the understanding of the proverb changed, and it started to mean that by asking people, one can learn the way to a very remote point.
- 3 The late 13th century abounded in princely feuds aggravated by the princes' support by rival groups in the Golden Horde. In 1299, Andrew Great Prince of Vladimir, Michael Prince of Tver', Ivan Prince of Pereyasavl', and Daniel Prince of Moscow came together in the town of Dmitrov to make peace. Andrew and Daniel succeeded in working out their mutual problems, while Ivan and Michael parted to feud (*All quotations in this article are taken from N.A. Soboleva, Starinnye gerby Rossiyskikh gorodov (Ancient coats-of-arms of Russian cities), Moscow, 1985*).
- 4 Generally speaking, the regional coat of arms is found in the upper part of the heraldic shields of regional centers, the smaller settlements normally playing a quite formal part and telling us about their administrative subordination. The "upper figure" has nothing in common with the local heraldic figure either in terms of composition or plot. We have removed (except for some special cases) the local "headers" from regional coats of arms featured on the heraldic map here. Yet the position of the Moscow victor on the coat of arms of Dmitrov is so expressive that one is tempted to regard the whole coat of arms as an integral composition. The Moscow horseman is aiming its centralizing lance not only at the conventional dragon, but also at local equality shimmering feebly at the foot of the shield.
- 5 Theodore Ivanovich, tzar of Russia, last of the Ruriks' dynasty (to say nothing of Basil Shuisky), who reigned in 1584–1598.

Volokolamsk, Ruza, Mozhaysk, Vereya and Borovsk⁶ repel the blows of Western Europe aimed at Moscow with their symbols of fortification and martialism, while Serpukhov, Kashira, Kolomna and Ryazan' guard the southern borders from marauding nomads. Intimidating potential enemies, the Serpukhov peacock spreads its tail as a barrier; a glorious border sign is raised high in Kolomna — "in sky-blue field a white post with the crown at its top." Two stars on the sides of the Kolomna post threaten trespassers of the lord's Rubicon with heavenly fire. The prince of Ryazan' who, like the saint on Kiev's seal, was for determining the enemy independently, guards the Oka border of the Center, his sword in hand.

Prayers are offered for the Moscow emperor in the monastery cells of the towns of Sergiev and Voskresensk (New Jerusalem); *ex occidente* — an ancient bell — tolls either joy or danger at the monastery named after "Savva the Vigilant" (Storozhevskiy) in the town of Zvenigorod.

An almost ideal social and geographical model is drawn up around the capital by the coats of arms of Moscow's retinue: all three principal forces of society are gathered in this national nucleus, — those being craftsmen, parishioners, and warriors — forming the trade, monastic and defense appendages to St. George's robe.

At first, the hostile West and South — whose attacks Moscow's feudal sovereign beat off with the aid of his vassals, relying little on his own spear — could not take easily to the tranquil elevation of Moscow. The silver horse of St. George could run north and east with much more audacity. Practically no heraldic military symbols were encountered in this wide and spacious area, from the castles of the Baltic knights and bishops up to Sviyazhsk and the Simbirsk steppe.

Bears' corner (god-forsaken places)

Yaroslavl' bear at service

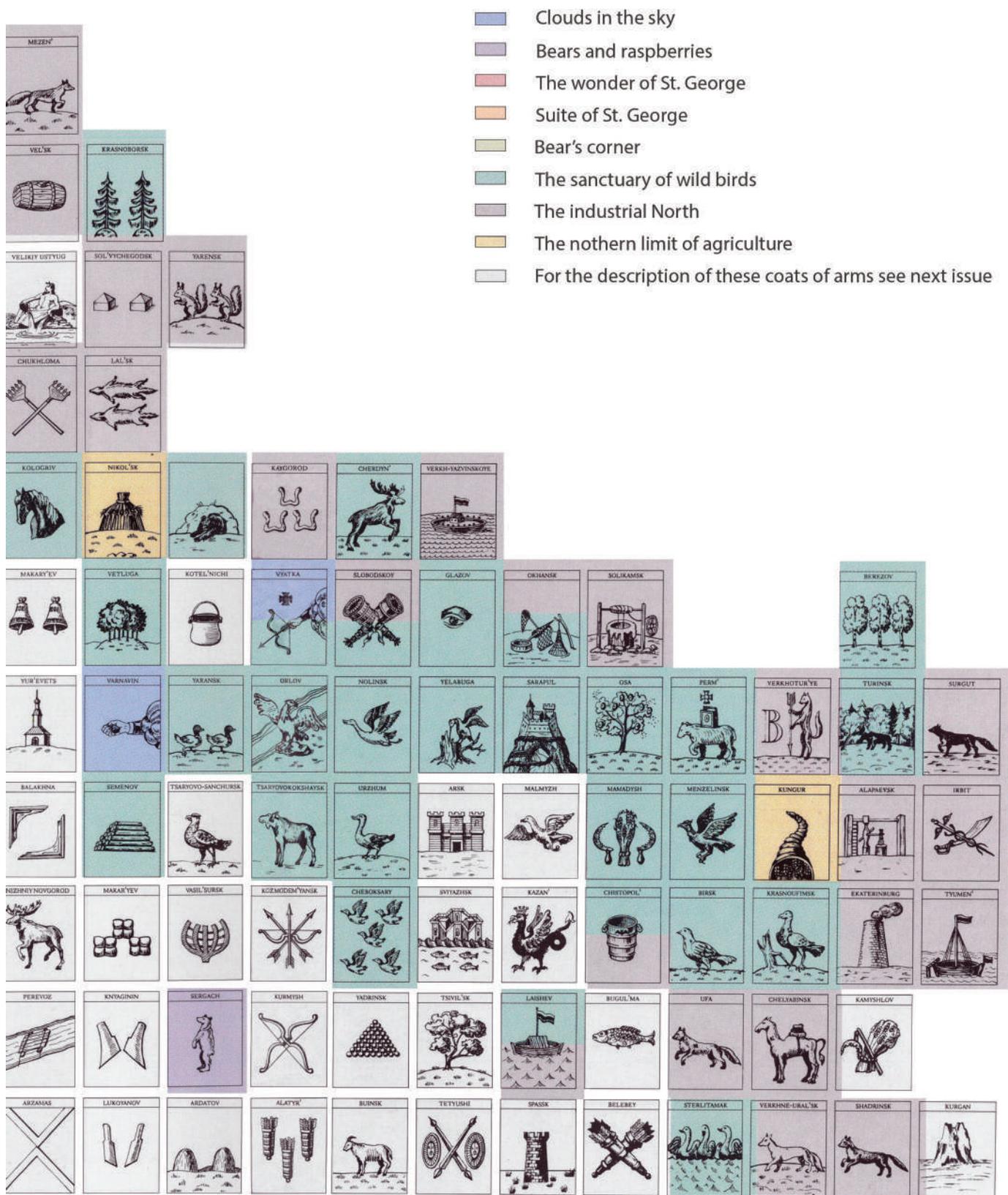
Moscow conquered easily the lake lands of Pereyasavl' in the North and thus provided the tables of its citizens with "golden herrings." Afterwards, Rostov and Yaroslavl' joined, and with due obedience, as if from a zoo's cages, their animals too stepped out onto the heraldic shields. Rostov's deer allowed the gilding of its hoofs and mane to look like a wrought metal collar. And Yaroslavl's bear shouldered an axe, with which Prince Yaroslav the Wise,⁷ the leader of all Novgorodians, once killed this animal sacred to the Finns living in the Upper Volga.

It is notable that the scene of this symbolic hunting was never depicted on the heraldic shield of Yaroslavl', when in this particular instance the scene of butchery would be more historically justified than that on Moscow's coat of arms. The bear is neither lifeless nor blood-soaked, for the exclusive right to execution and mercy no longer belongs to Novgorod's leaders, but to the horseman "in silver armor and sky-blue cloak." The authors of Yaroslavl's heraldic coat of arms revived the animal, and as a comical clown he walked onto the shield doomed to humiliation, carrying a pole-axe on his shoulder — not so much as a reminder of his slaying at the hands of Prince Yaroslav, but as his "sword of Damocles,"⁸ a sign of his subordination to Moscow.

6 Here is the description of the coat of arms of Borovsk. In the times of the Second Pseudo-Demetrius (in 1607, the Second Impostor, whose real name is unknown, but who is commonly known as the Thief of Tushino, declared himself Demetrius, son of Ivan the Terrible, and headed a party of insurgents for Moscow, where he held his ground for two years and was killed in 1610), Borovsk and Pafnutyev, a monastery abiding in Borovsk, were the site where the defenders of the town betrayed their Motherland and surrendered the town and the monastery to that villain Pseudo-Demetrius. However, Prince Volkonsky, one of the defenders, did not stop fighting and, pierced by dozens of arrows, was slain at the left-hand choir in the monastery church. To recall this honorable feat the coat of arms has a silver background (which stands for innocence and a kind heart) and a reddish golden heart (evidence of faithfulness) which is emblazoned with a cross. The heart is surrounded by laurels signifying the strength and honorable resistance that brought fame to this leader and many others who perished in the name of justice

7 Yaroslav the Wise, prince of Kiev 1019–1054; in his youth he was designated prince of Novgorod by his father, Saint Vladimir.

8 In 1918 "the sword of Damocles" would hit the rebellious people of Yaroslavl'. Demidov's Lyceum, burned down by Moscow gunners (this is a reference to a mutiny stirred up by the opposition and suppressed by the Bolsheviks), became for Yaroslavl' as irreplaceable a loss as the killing of its furry totem had been for earlier pagans. The pagans' domain disappeared, as did Yaroslavl', famous for the first theater and the first provincial magazine. But the bear is still doomed to carry the instrument of its murder, and the axes of smoke from Yaroslavl's plants, fixed on the poles of their chimneys, are rising high over its head.

The schematic map of cities. Each city is represented by its coat of arms. The location of each city on the scheme in relation to any other location approximately corresponds with the real location of the city on the topographic map. Only distances between cities have been distorted, but neighbors and orientation are maintained.

Bears' clumsy assistance

Striving for power, Moscow was very sophisticated in finding different ways of pursuing the heraldic struggle with rival towns. In the South the authors of Russia's heraldic emblems overthrew the Prince (formerly Grand Prince) of Ryazan' and forced him to stand at attention before the Moscow horseman and guard the peace of Moscow at its unsafe southern borders. But in the not so dangerous North, Moscow's heraldic conclave preserved the throne of Tver's Grand Princes on the field of Tver's coat of arms — as a pleasant gesture toward the suppressed grandeur of the rival — while the Tver' prince was mercilessly dislodged from his throne.

After Tver' it was the turn of "Lord Novgorod the Great." On Novgorod's heraldic shield the steppen⁹ was replaced by the monarch's throne. The throne is vacant, but the scepter placed on it speaks clearly about the presence of an autocratic Moscow. (Remember the witty observation from *Dead Souls* by N.V. Gogol — the district police officer needn't go personally to calm down his rebellious peasants, it being sufficient just to send his police cap.)

Neither the snow leopard nor the bear is guarding Novgorod's throne, as they did on the ancient seal of Novgorod. Since that time there have appeared two bears symmetrically placed as though holding the Novgorod symbol with their elbows. The snow leopard is a far too independent symbol to bow to the heraldic influence from the West. The bear is simpler and safer. Sending a bear-governor to replace the snow leopard in Novgorod, Moscow both "strengthened the local administration"¹⁰ and deeply humiliated Lord the Great: the bear that was placed on Novgorod's heraldic shield as the master and the Yaroslavl' pagan who earlier gave fealty to Novgorod are as like as two peas. That explains why those who devised the coats of arms in Moscow decided to revive, tame, and arm Yaroslavl's beast.

The practice of sending out heraldic bears was not confined to the correction of Novgorod's coat of arms. According to the formal similarity of two place names, the heraldic conclave would deliberately move the Yaroslavl' bear onto the coat of arms of the town of Maloyaroslavets. The bear from the northern woods was placed forward to persecute the steppe eagles that overflowed the shields of Mosal'sk and Odoev, as heraldic replicas of the shield of the town of Chernigov.¹¹

The bear was also lifted onto the heraldic shield of Sergach. Unlike his Yaroslavl' and Novgorod brothers, who have lost their animal nature and have become purely symbolic figures, the bear of Sergach is living and natural. He has no other heraldic burdens and is absolutely "naked." His at service posture was chosen by the Sergach people without the influence of any heraldic canons, for they were able pupils of Moscow's herald masters and famous bear tamers as well. They caught and trained bears; the trainer of "General Toptygin"¹² was undoubtedly from Sergach.

Export of the ancient Yaroslavl' bear in the new Sergach version (the strong bear knew the mysteries of the Volga left bank woods but was absolutely tame;¹³ he was wild, though easy to train) contributed a great deal to turning this heraldic protagonist of the Russian North into the informal national symbol of Russia — especially for foreigners.

Bears and raspberries

The heraldic area situated to the north-west of the heraldic ingot of Moscow, between the far-flung bears' routes to Novgorod and Yaroslavl', looks a veritably god-forsaken place. In this remote corner, lost between the colonial routes of the Moscow horseman, the ideas of heraldry arc at slumber.

The author of the coats of arms for the Yaroslavl' region became the victim of doubts; he thus failed to devise any individual and specific attribute for the towns of Danilov, Lyubim, Poshekhonye, Borisoglebsk, and Petrovsk. Here he found no food for his heraldic thought and succumbed to trifling with the regional bear.

9 Stepen is a raised seat for *posadniks* (designees). The political system of Novgorod was notable for the weak power of the prince. The greatest power was vested in the *veche*, the assembly of free citizens (the word was also used for the meeting place itself). The *veche* elected a *posadnik*, who would administer the city and judicial system.

10 A communist idiomatic cliché.

11 Chernigov's coat of arms, with minor additional detail, is depicted on the coats of arms of Mosal'sk and Odoev. The eagle on the coat of arms of Chernigov signifies that, earlier, those towns were drawn into the Chernigov domain.

12 General Toptygin, a bear, the character of a satirical poem of the same name by Nikolai Nekrasov.

13 "Is the bear with you?" "Don't worry, ours is tame and quiet." N. Nekrasov, "General Toptygin."

We run up against a very rare situation for Russian heraldry with the coats of arms for the towns in the Yaroslavl' region. They broke the custom according to which the regional symbol, usually placed at the top of the local shield, served as a universal crest for all the local coats of arms. The upper, regional figure never interfered in the affairs of the independent figures located in the lower, local part of the shield.¹⁴ But this is absolutely different for the Yaroslavl' region. Only a few local coats of arms independently carry their own meaningful figures. Yet the bear of Yaroslavl' is given a free hand, and he becomes a protagonist in half of the coats of arms of the Yaroslavl' region. Each time, he acquires arbitrary size and background color. The choice of position on the shield is also left to the bear: one can find him in the center, upper, or left-hand part. At times he is depicted to the local people as a whole form, at times its top half; he may face fully or half-face his audience.

No other regional heraldic hero in Russia could afford such unruly behavior as the famous General Toptygin could in his heraldic domain. Toptygin went on a spree, for localities subordinate to him could put forward no worthy symbols of their own. Even in recent documents and papers about the local towns of the Yaroslavl' region, we come across only humiliating definitions such as "Although an administrative district, Poshekhonye is a mere rural area, without a town."

Could the small mouse of Myshkin (*Myshkin* in Russian means *that of a mouse*, for *mysh* is the Russian for *mouse*) struggle even with a small bear? All rights of the mouse to appear on the heraldic shield come down to the interplay of the place name and heraldry. Similarly, the red hill on the coat of arms of Krasnyy Kholm in the Tver' region (in Russian *krasnyy kholm* stands for *red hill*) could never be an obstacle for the bear's expedition to Novgorod.¹⁵

Oh, no! Instead of trying to resist the advance of General Toptygin it is much better to welcome him with some delicious food. The Tver' province welcomes the bear with a cane of delicious raspberries placed on the tray of the Bezhetsk's shield. It is better to do the bear such a favor than to let him step onto the field of the regional coat of arms and the throne of Tver', as happened in Novgorod.

The passive suffering and geographical lack of expression of this area are built up by the picture of the crawfish of Ves'yegonsk and the hare of Korcheva. Both animals became a delicious dish recently, but in earlier times, when coats of arms were being formulated, such symbols denoted the dull banality of the places to which they were awarded.

The most expressive symbol of the suffering and passivity characteristic of this Upper Volga "bears' corner" is the coat of arms of Uglich, which depicts the innocent Prince Demetrius¹⁶ holding the knife of his murderer.¹⁷ What other role could be played by Uglich, which belonged to the land of mice, hares, and bears fed with raspberries, and which used to be the nearest destination from Moscow for political exile, as well as the place of secret political murder?

Where could an outcast find asylum here? Behind the monastery gate of Kalyazin or the ground city wall of Mologa, which was to remain the protector of monuments of archaic times for posterity? Could these museum strongholds be taken seriously by the Moscow horseman, who had surrounded himself by the stone castles of Mozhaisk and Sergiev, by the traditions of Vereya and Kolomna, and by the modern fortifications of Volokolamsk, and who demolished everything, even the eternal stones of Podol'sk and Nikitsk?

The coat of arms of Uglich echoes that of Yaroslavl'. The last fortress of the pagan's domain, cut down with an axe, resembles the last tzar from Rurik's dynasty, murdered with a knife six centuries later. Together with the empty thrones of Tver' and Novgorod they give almost eschatological

¹⁴ In later local coats of arms the regional symbol is placed in the upper "right-hand" corner (actually meaning left-hand corner, since heraldic terminology uses mirror images.)

¹⁵ This group of coats of arms is based on place names and extends further into the southwest of the Moscow – Novgorod line: an aged nun (Russian: *staritza*) in Staritza, an isle (*ostrov*) in Ostrov, prongs (*zubtzy*) in Zibtsov, a hill (*kholm*) in Kholm.

¹⁶ Demetrius, son of Ivan the Terrible, was murdered in Uglich in 1591. An official commission appointed to investigate the murder included Basil Ivanovich Shuisky. The commission reported Demetrius to have stabbed himself in an epileptic fit. In 1606, Basil Shuisky headed a plot against the First Impostor, known as Grishka Otrepyev, who had declared himself as Demetrius Ivanovich. After the First Impostor had been murdered, Shuisky was crowned tzar in Moscow. Written statements were circulated by Shuisky, who now testified to the violent nature of Demetrius' death, thus backtracking his own words, but proved to be to no avail in precluding the appearance of the Second Impostor, the Pseudo-Demetrius II.

¹⁷ Naturally, there is no murderer on the coat of arms. The figure of the villain placed near the innocent boy would have inspired respect for the memory of the Prince. Nevertheless the hand that lifted the knife could never appear on the heraldic shield of Uglich. Only the Center can execute and show mercy, which it did – either by the hand of noble Basil Shuisky, who signed the investigation document about the casual suicide of the boy or by the same tzar's hand pointing at the murderers.

meaning to the whole heraldic area, where, along with the ending of the pagan realm and of Rurik's dynasty, of the independence of Tver' and of Novgorod, Vladimir-and-Suzdal' Russia came to an end; blood flowed freely everywhere (probably, the ancient earthen wall around Mologa is somehow connected with the battle at the river Syt'¹⁸). Both the long-eared hare of Korcheva and the small unarmed bear of Mologa seem to foresee their end, listening carefully for the roar of bulldozers, as if the author of the coats of arms had read the future plans of "Hydroproject"¹⁹ and deliberately gave Korcheva and Mologa these symbols that are so poor in vitality!

But we cannot say that the heraldic "bears' corner" of the Upper Volga region looks senseless or that it passed without purpose. Its sufferings teach us a lesson. On the heraldic map of Russia, the victim of Uglich on his blood-red shield is the first (on the heraldic map of Russia) reminder of morality in politics. The frightened figures of Korcheva's hare, drowned in the artificial lake, and the unarmed bear from Mologa, who in vain hid himself behind the city wall ruined by the waters of "the Big Volga," should be regarded as a revelation about a morality in economics that is only nowadays approaching us.

Bears' corner in the sanctuary of wild birds

In 1812 the Moscow prizefighter would trudge the road to Paris fairs with the bear of Sergach through Kovno (a monument to Russia's victory in the Napoleonic war rises high in Kovno's coat of arms). Not all the bears of heraldic Russia want to walk on their hind legs as performing clowns beyond the Kovno milestone.²⁰ Not all of them want to wear on their shoulders the uniform attributes signifying service to the Center.

The bear of Great Perm would only agree to carry the Bible and the cross laid on its back for the famous educator, Saint Stephen of Perm.²¹ Moscow's heraldic conclave, trying to disturb the bear of Ust'-Sysol'sk, faced open resistance. This bear was unwilling to become a human being, either through heraldic symbols or through the training of Sergach, and would hide deep in his den, exposing his white fangs.

The bear of Ust'-Sysol'sk is literally cornered, driven to the upper corner, which "collapsed" between the economic axes of the Volga and the Urals. His perilous roar prevents men from feeling free deep inside these areas. They dare hunt only with heavenly help, and in the coat of arms of Vyatka a hand appearing from the clouds holds the bow, while the shield itself is emblazoned with a cross. This land is bountiful, not with things of human concern, but with the twitter and song of many different birds: hawks, wild duck, geese, wood-peckers, and even an eagle are placed on the heraldic shields of the Vyatka region. The elk of Cherdyn', which has gone to lick salt at the Solikamsk mine, is galloping back to the safety of this nature's asylum. At the southern end of it his mate of Tzarevokshaysk remains prone, trembling with each new knock of the logs rolled by the Volga timber cutters to the stack of Semenov. There is no room for wild animals in the hearth of life active on the Volga. Only the wild ducks, soaring high in the heavenly blue in the coat of arms of Cheboksary, feel temporarily safe from men. They can find sublime peace only in the depth of Vyatka of Yaransk's heraldic shield.

The essence of this heraldic area, forgotten by proud man, is very well expressed in the allegorical description of the coat of arms of Nolinsk, of "the flying swan, because birds fly by, never stopping near the town." Yet the human eye of Glazov (*glaz* is the Russian for *eye*) has shrewdly pierced this remote corner. It will be very, very soon that the ministries, avoiding every stranger's look, will set their eyes on these territories. The bears, birds, and elk are ideal spectators for the future defense constructions.

In the west, "the land of peaceful birds" is trimmed with a strip of heraldic impersonality. Interpretations of place names — the white willows (*vetla* in Russian) of Vetluga, the horse's head with

¹⁸ The battle of the river Syt' took place in 1238. Here, Khan Baty defeated the armies of the Vladimir principedom.

¹⁹ Hydroproject is an organization which draws up land melioration and hydro engineering projects. In particular, it managed the Volga reservoirs that inundated a considerable number of old villages and towns including Korcheva and Mologa.

²⁰ Besides its literal meaning, "beyond the western border", the phrase "beyond the Kovno milestone" means "far." It is analogous to "the Kolomna milestone," an expression that is synonymous for something long and that derives from the belief that the Moscow-Kolomna road was marked out with milestones set extremely far apart.

²¹ Stephen of Perm preached the Gospel to the local Finnish peoples.

a large mane (*griva*) of Kologriv, the buoy (*buy*) of Buy, the red pine forest (*krasny bor*) of Krasnoborsk — link the corner of Vyatka with the remote areas of the Yaroslavl' and Tver' regions both geographically and semantically.

In the East the chatter of Vyatka's birds is drowned in the active clatter of the Kama shipbuilding industry of Laishev (like that of the Volga in the South); the bread trade of Chistopol; the corn growing of Mamadysh; the colonial castle of Sarapul; the fishing of Okhansk; the educated bear of Perm'; and the saltworks of Solikamsk. The woodpecker of Elabuga, in the vicinity of the Kama, is also affected by the sound of the woodcutter's axe, since the ax has already touched the banks of the Kama (like those of the Volga in the town of Semyenov), and the woodpecker is now pecking at a tree stump. Yet beyond the Kama one again finds oneself in the kingdom of birds, recurrent in the coats of arms of Menzelinsk, Birsk, Krasnoufimsk, and Sterlitamak, and on to the very Urals.

The river sparrow of Birsk and the geese of Sterlitamak appear as heraldic water pointers on the left tributary of the Kama — the river Belaya. Like the wild goose of Urzhum, the blue ribbon of Orlov and the fishing nets of Slobodskoy suggest the existence of a hidden valley around the Vyatka, the right tributary of the Kama, deep in the bird wilderness of Vyatka.

Clouds in sky

This kingdom of impersonal and passive towns, with its animals that are of little use to the people, forms an expansive belt over Moscow's heraldic bar from the Pskov boundaries to the Urals — from the island (*ostrov* in Russian) of the town of Ostrov to the cauldrons (*kotyol*) of Kotel'nich and the wasps (*osa* in Russian) of Osa.²² The northern economic border of this barren belt is the northern limit of agriculture, signified on the heraldic map by the rye sheaves of Demyansk and Nikol'sk (in Vologda region), protruding to the North,²³ between them the linen of Pudozh and, continuing the line to the east, the not so abundant horn of Kungur rye.²⁴ Naturally Kungur, where it is possible to grow and harvest corn, seems absolutely abundant to the bear of Perm' and the sable of Verkhotur'ye, surrounded as they are not by fertile cornfields, but by the woods of Osa and Berezov.

Running almost parallel to this rational economic boundary of agricultural poverty, one can see on the heraldic map a borderline displayed in a different way, which is either climatic or semimystical. This is a heraldic chain of clouds connecting the shields of Pskov, Olonets, Vologda, Varnavino, and Vyatka. This line of heraldic water suspended in the sky resembles the isohyet of maximal precipitation in the Russian plain. But the heavenly hands appearing out of the clouds reveal on the obscure horizon the cover of Providence, Moscow's cloak covering the ancient Russian lands that since olden times have been under the temporal and absolute tyrannical influence of the Center. Development is suppressed under that cloudy and gloomy halo of prestigious Moscow in this land of withering agriculture. Place names and their meanings are monotonous and artificial, and the remote bears' and birds' heraldic shields are only disturbed by glimpses of lakes, the vision of St. Demetrius, and the ghostly vacant thrones of Tver' and Novgorod.²⁵

The industrial north

Industrial colonization

Desperate bears with axes go wandering through the Yaroslavl' North, near the boundary of withering agriculture, and are searching for their best application. Not all of them can join the administrative service to hunt for the outcast ounce of Novgorod or travel — through Maloyaroslavets's stirring

22 The insects of Osa are called bees in the description of its coat of arms. This is apparently conditioned by the desire to bring more sense, to retouch the offensive picture that depicts these useless and harmful wasps on the coat of arms of a small, harmless, and remote town.

23 This northern protrusion corresponds to the actual curve northwards around the lakes of the Beloozero and the Ladoga, which used to be the limit of Russian agriculture.

24 The rye ears inside the horn of plenty seem an embodiment of heraldic irony, for normally the horn is depicted full of all the exotic fruits imaginable.

25 For the moment we will disengage ourselves from the transport symbols of Moscow and St. Petersburg fighting their way through these virgin heraldic areas. We will come back to them later.

eagles — to the desirable hives of Sosnitsa (we will speak about the hives later). Few of them are ready to choose the path of a Sergach dancer.

Leaving the orbit of immediate subordination to Moscow, breaking the harshness of poor agricultural soil, the bears head for the industrially colonized North, where, above the clouds, St. George's spear of Moscow will never reach them. It is in the depth of their adored woods that they create an amazing and versatile range of trading activities, without comparison among other parts of the heraldic map.

With their ready and speedy axes, the forest inhabitants are hired to make the vats (*kadka* in Russian) of Kadnikov and to produce wood-tar and fill barrels with it in Vel'sk. In the woods they hunt for fox (Mezen'), marten (Lal'sk, Shadrinsk and Ufa), squirrel (Yarensk) and in the taiga, up to the Urals, and further — for Siberian sable (Verkhoturysk) and ermine (Verkhneural'sk). The hunt for trivialities becomes so attractive that Tot'ma's hunters spread their trade as far as Russian America. And it was from the American islands that the silver fox stepped onto the Tot'ma and Surgut coat of arms, for it was never seen in those places before.

With the golden harpoons borrowed from the shield of Chukhloma, these northern animals go fishing not only to the Chukhloma Lake, but also to the Beloye Lake (fishes are on the coat of arms of Belozersk) and Il'men' Lake (four silver fishes make the base of the Novgorod throne). The residents of Okhansk and Slobodskoy get their fishing nets, rods, and other tools, "with the help of which different species of fish can be caught there in great abundance." In this vicinity the people of Kaigorod boil fish to make "fish glue." The silver river salmon fill the tubs of Luga. There is also enough salt there to pickle it.

The second golden currency after furskins in the bear's Russia — salt — is boiled off at the salt works of Staraya Russa and falls in geometric crystals onto the shields of Soligalich and Sol'vychevodsk. The old salt sources are running out, yet a new salt mine is dug out in Solikamsk — "with a bucket for lifting the salt to the surface."

Salt was not the only reason for penetration into the northern forests. The coats of arms of Ustyuzhna (Ustyuzhna of the Iron Field) and Cherepovets draw attention to the significant — for those times — marsh resources of iron ores. Soon three iron hammers covered with a forked branch²⁶ thump at the shield of Petrozavodsk, indicating the abundance of ores and the different workshops abiding in the area. The North passes the baton of iron-processing on to the Urals, where Ekaterinburg is extracting ores from its "iron mine" and smelting them in "the silver furnace," while Alapayevsk is forging iron with its mechanical hammer.

The Urals are rightly seen as so attractive in terms of economy that the heraldry sees them neither as mountainous (all attention to the Urals' heights is limited to "the three green hills, which are actually situated nearby" on the heraldic map of Kostychy), nor as an impenetrable border obstacle. The Russian crossing of the Urals is marked off by no milestone or monument, by no kind of "Kolomna milestone"; the first milestone in the East appears only in the pyramid of Tobol'sk, much further to the East of the Urals. On the contrary, the heraldic heart of iron works in the Urals (Ekaterinburg and Alapayevsk, bordering Solikamsk in the North) is on all sides surrounded by blood vessels of transport and trading symbols (Laishev, Chistopol', Verkh-Yazvinskoye, Irbit, Chelyabinsk, Tyumen').

It is beyond the Ural mountains that the bear, who had gone through the purgatory hearth of metal-forge drudgery and toil, who had escaped Yaroslavl' and Sergach slavery, Novgorod gendarmery, Perm' humiliation and Ust'-Sysol'sk bondage, started a free and natural life, going without a care onto the enchanting clearing of the coat of arms of Turinsk.

²⁶ Quite often, metal deposits and water bearing strata used to be found by the divining method, with the use of a forked branch. The branch, when held in the diviner's hands, would rotate over the deposit.

С.В. РОГАЧЕВ

ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЙ «ТЕАТР» РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

Автор: *Сергей Вячеславович Рогачев*, кандидат географических наук, научный сотрудник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: rogachev.mgu@gmail

Аннотация

Узурпация права объединять прилегающие территории даровала Москве еще некоторые исключительные права. Какой другой герб, кроме Москвы, мог бы обрмить себя такой свитой, таким окружением, которое служило бы его щитом на геральдической карте? Почти идеальная социально-географическая модель создается вокруг столичной Москвы ее свитой: в этом национальном ядре собраны все три основные общественные силы – ремесленники, прихожане и воины, – формирующие торговую, монашескую и оборонительную составляющие облачения Святого Георгия.

А.В. ГОРОДНИЧЕВ

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ МАРКА МЕЕРОВИЧА
«ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СССР (1917–1929).
ОТ ГОРОДА-САДА К ВЕДОМСТВЕННОМУ РАБОЧЕМУ ПОСЕЛКУ»**

Urban Studies and Practices Vol.1 #4, 2016, 58-60
<https://doi.org/10.17323/usp14201658-60>

Автор: *Городничев Антон Валерьевич*, магистр градостроительства, эксперт Высшей школы урбанистики им. А.А. Высоковского.

E-mail: agorodnichev@hse.ru

Как градостроительная и жилищная политика молодого Советского государства повлияла на городскую политику в современной России? Каким образом представления о городской среде и ее качествах, сформированные почти сто лет назад, влияют на наши установки и взгляды сегодня, в XXI в.? В своей новой книге «Градостроительная политика в СССР (1917–1929). От города-сада к ведомственному рабочему поселку» историк Марк Меерович на основе богатого архивного материала исследует эволюцию представлений архитекторов, планировщиков и государственной власти об устройстве городского пространства на примере реализации идеи «города-сада» Эбенизера Говарда в России первой трети XX в.¹

«Градостроительная политика в СССР (1917–1929). От города-сада к ведомственному рабочему поселку» стоит читать вместе с предыдущими работами Марка Мееровича. Ранее историк опубликовал книги про жилищную кооперацию в эпоху НЭПа, жилищную политику советской власти как инструмент социального контроля государства над гражданами [*Меерович, 2008*] и градостроительную политику эпохи индустриализации [*Меерович, 2011*]. Новая книга ограничена временными рамками первого постреволюционного десятилетия — до того, как в Советском Союзе был создан культ личности, а основой архитектуры и городского планирования стал «Большой стиль». В терминах Владимира Паперного работа Марка Мееровича про «культуру один» [*Паперный, 2016*], хотя в книге нет отсылок к известному культурологу и его главному труду «Культура два», чей методологический подход позволяет анализировать трансформацию советского общества (и архитектуры и градостроительства в первую очередь) на рубеже 1920–1930-х годов. Хронологически «Градостроительная политика...» как бы предваряет предыдущие работы Марка Мееровича (или параллельна им в случае с «Наказанием жилищем...»), однако одновременно продолжает исследования автора властного дискурса и того, как партия большевиков строила общество новой формации, на примере организации городской жизни и конструирования городского пространства.

Центральный тезис книги заключается в том, что идея «города-сада» не была реализована в России так, как ее понимал сам Говард. По мнению Марка Мееровича, в основе «города-сада» лежит не сад, озеленение, ностальгия по сельской идиллии, а возможность для жителей городов, прежде всего для рабочих, не имеющих собственного жилья, с помощью института кооперации обеспечить себя комфортным жильем и качественной средой независимо от воли государства, муниципалитета или фабрикантов. Таким образом, «город-сад» — это в первую очередь один из способов решения жилищной проблемы, а не подход к пространственной организации жилой застройки, как обыкновенно он понимался.

¹ Меерович М.Г. Градостроительная политика в СССР (1917–1929). От города-сада к ведомственному рабочему поселку. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

В первой главе Марк Меерович описывает градостроительную политику в дореволюционной России: каким было отношение имперской власти к местному самоуправлению и общественному движению, поддерживающему идею «городов-садов». Принцип независимой самоорганизации общежития горожан, заключающийся в строительстве поселка за счет личных сбережений рабочих и служащих или займов, вызывал недоверие как царской, так и советской власти. Однако концепт «города-сада» был очень популярен среди земских служащих, гражданских инженеров, архитекторов и планировщиков. Фабриканты до 1917 г., советские предприятия после революции активно привлекали специалистов для разработки проектов поселков для рабочих и их строительства на основе идеи «города-сада» — в книге присутствует множество планов застройки и чертежей домов, так что у читателя есть возможность ознакомиться с богатым иллюстративным материалом. Кроме того, обе эпохи объединяет то, что рабочие, для которых строились поселки, не обладали правом собственности на жилье, тем самым они попадали в зависимость от предприятий, что противоречило идее Говарда.

Революционная эйфория породила надежды, что в Советской России «город-сад» будет реализован в полной мере, но без недостатков, присущих капиталистическому обществу. **Во второй главе** раскрывается амбивалентное отношение советской власти к «городу-саду». С одной стороны, кооперативное жилье, построенное рабочими и служащими за свой счет, решало проблему жилищного дефицита, в чем государство было заинтересовано, но, с другой стороны, власть стремилась к организации социального контроля над гражданами, который был слабее, по ее мнению, в поселках, построенных на принципах кооперации. Поэтому в течение 1920-х годов, благодаря изменениям в законодательстве, государством была выхолощена суть жилищной кооперации, взлет и падение которой раскрыты **в третьей главе**. С самостоятельностью и самоуправлением советская власть пока еще боролась с помощью законодательства и конструирования дискурса.

Четвертая и пятая главы посвящены установлению и нормативному закреплению принципов организации рабочих поселков. Как указывает Марк Меерович, власть противопоставляла кооперативным поселениям ведомственные поселки, которые, что особенно примечательно, в пространственно-организационном отношении ничем не отличались друг от друга. «Минусом» говардского города-сада был основной тип жилья — индивидуальные коттеджи, в которых проживали одна или две семьи. Формально ведомственные поселки строились по тому же принципу, однако на практике дома превращались в коммуналки. С течением времени, приближаясь к 1930-м годам, в поселках стали появляться кварталы, планировочно обособленные от основной застройки, где проживали рабочие, — там строились дома для заводской или партийной верхушки. Краеугольным моментом периода, предшествующего первой пятилетке, стал переход от малоэтажной застройки к многоквартирным домам, упрощавшим социальный контроль и обеспечивавшим обобществление быта.

За последнюю четверть века в России было опубликовано множество книг, посвященных исследованиям не только «большой» истории XX в., но и истории повседневности советского общества. «Градостроительную политику в СССР (1917–1929). От города-сада к ведомственному рабочему поселку» следует рассматривать как раз в контексте работ других авторов по истории повседневности — Марк Меерович изучает не столько быт и представления людей прошлого, сколько то, как власть конструировала социальное пространство посредством архитектурно-планировочных решений, определявших жизни и судьбы горожан. Книга будет полезна как интересующимся историей советского градостроительства, так и различным специалистам в этой области, а также тем, кто хочет понять истоки современной российской урбанистики.

Источники

- Меерович М.Г. (2008) Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.) (2011) / М.Г. Меерович, Е.В. Конышева, Д.С. Хмельницкий. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина».
- Паперный В.З. (2016) Культура Два. 4-е изд. М.: Новое литературное обозрение.

A. GORODNICHEV

BOOK REVIEW

**“URBAN PLANNING POLICY IN THE USSR (1917–1929).
FROM A GARDEN CITY TO A DEPARTMENTAL WORKERS’
SETTLEMENT”, BY MARK MEEROVICH¹**

Author: *Anton Gorodnichev*, MA in Urban Planning, expert,
Vysokovsky Graduate School of Urbanism, NRU HSE.

E-mail: agorodnichev@hse.ru.

References

- Meerovich M. (2008) *Nakazanie zhilishhem: zhilishhnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi (1917–1937 gody)*. Moscow: Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya (ROSSPE'N).
- Kladbishhe socgorodov: gradostroitel'naya politika v SSSR (1928–1932 gg.) (2011) / M. Meerovich, E. Konysheva, D. Xmel'nickij. Moscow: Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya (ROSSPE'N); Fond “Prezidentskij centr B.N. El'cina”.
- Papernyj V. (2016) *Kul'tura Dva*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

¹ Meerovich M. *Gradostroitel'naja politika v SSSR (1917–1929). Ot goroda-sada k vedomstvennomu rabochemu poselku* [Urban planning policy in the USSR (1917–1929). From a garden city to a departmental workers' settlement]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer], 2017.

Авторам

«Городские исследования и практики» (печатная версия: ISSN 2500-1604; электронная версия: ISSN 2542-0003) – это международный научный рецензируемый журнал, выпускаемый Высшей школой урбанистики им. А.А. Высоковского (НИУ ВШЭ).

Журнал является новой площадкой, на которой начинающие и уже опытные городские исследователи и практикующие специалисты в области градостроительства могут обмениваться опытом и знаниями с помощью эмпирических и теоретических исследовательских статей, рецензий, обзоров статей российских и зарубежных авторов.

Мы будем рады сотрудничеству с авторами, область научных интересов которых затрагивает городские исследования, городское планирование, транспорт, экономику городов, социологию и антропологию города, географию, экистику, искусство в городе, архитектуру, дизайн и новые городские технологии.

Дизайн журнала позволяет задействовать в тексте самые разнообразные средства презентации: формулы, графики, карты, фотографии и проч.

К публикации принимаются оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, сопровождающиеся любыми необходимыми визуальными материалами (подробнее с требованиями можно ознакомиться здесь: <https://usp.hse.ru/articles>). Объем статей – до 60 тыс. знаков, объем рецензий, обзоров – до 10 тыс. знаков.

Если вы планируете написать для нас рецензию, пришлите заявку на электронный адрес редакции журнала, указав в ней название рецензируемой монографии и краткую информацию о себе.

Материалы с пометкой «Статья/рецензия для USP» в теме письма присылайте на нашу электронную почту: usp_editorial@hse.ru

Call for Papers

Journal of Urban Studies and Practices (print: ISSN 2500-1604; online: ISSN 2542-0003) is a high quality open access peer-reviewed research journal that is published by The Graduate School of Urbanism at National Research University Higher School of Economics.

The Urban Studies and Practices provides a platform for the novice and experienced researchers and urban planning practitioners to share knowledge and expertise in the form of high-quality empirical and theoretical research papers, book reviews and academic literature reviews.

The Urban Studies and Practices publishes research papers in the fields of urban studies, urban planning, urban transportation, urban economics and sociology, anthropology, urban geography, ekistics, new city technologies, urban art, architecture and urban design.

The Journal is published quarterly. It is available both in print and online.

The design of the journal is tailored to accommodate various publication formats: plain text, formulas, graphs, maps, photos, etc.

A typical Article for our journal should be limited to 60 000 characters. This includes abstract, references, notes, appendices, tables and figures. A Book review should not exceed 10 000 characters in length. The articles are accepted in English or Russian.

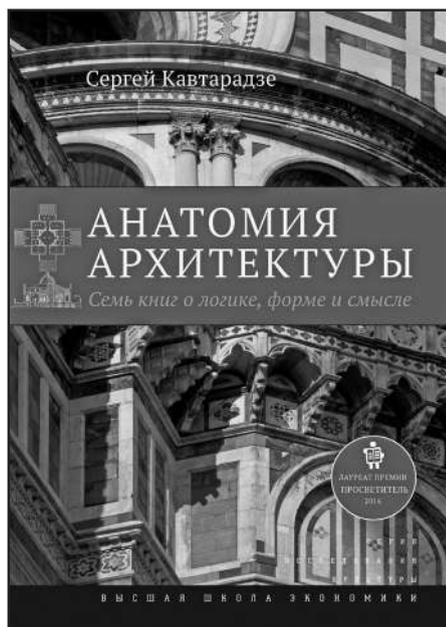
Send your manuscript with the email subject "Article/review for USP" to editors at usp_editorial@hse.ru.

More information about the journal at <https://usp.hse.ru/en/about>

Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. л. 9.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ПРЕДСТАВЛЯЕТ НОВИНКИ

Сергей Кавтарадзе

АНАТОМИЯ АРХИТЕКТУРЫ. СЕМЬ КНИГ О ЛОГИКЕ, ФОРМЕ И СМЫСЛЕ

Третье издание

Серия «Исследования культуры»

Научное издание

ISBN 978-5-7598-1543-3

472 с.

70×100/16

переплет

2017

Цель книги искусствоведа Сергея Кавтарадзе – максимально простым и понятным языком объяснить читателю, что такое архитектура как вид искусства. Автор показывает, как работают механизмы восприятия архитектурного сооружения, почему зритель получает от него эстетическое удовольствие. Книга учит самостоятельно видеть и анализировать пластические достоинства формы и бесконечные слои смыслового наполнения архитектурных памятников, популярно излагая историю европейских стилей и логику их развития.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся архитектурой и историей искусства.

Книга – лауреат премии Дмитрия Зимина «Просветитель» 2016 г. за лучшую научно-популярную книгу на русском языке в номинации «Гуманитарные науки».

Книжный магазин «БукВышка»: г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, тел.: +7 495 621-49-66,
<http://bookshop.hse.ru/>

Интернет-магазин ИД ВШЭ: <http://id.hse.ru/shop/>, тел.: +7 495 772-95-90 *15295

Отдел реализации: г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 33, корп. 4, оф. 505,
тел. +7 495 772-95-90 *15296, *15297, e-mail: bookmarket@hse.ru, www.id.hse.ru

Буквышка

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Более 8000 наименований научной, учебной,
справочной, общеобразовательной литературы
отечественных и иностранных издательств
в том числе ВСЕ книги ИД ВШЭ

Сувениры с символикой ВШЭ

Скидки сотрудникам и учащимся ВШЭ

Адрес: Москва, ул. Мясницкая, 20

ЧАСЫ РАБОТЫ:

Пн-пт — с 10.00 до 20.00

Сб — с 10.00 до 19.00

Воскресенье — выходной

Тел.: +7 495 621-49-66

<http://id.hse.ru/bookvyshka>

Интернет-магазин

<http://id.hse.ru/shop>

**В интернет-магазине можно приобрести все книги
Издательского дома ВШЭ,
имеющиеся в продаже**

Интересующие вас книги вы можете найти в нашем каталоге, воспользовавшись
поиском по тематике, серии, названию и автору, списком книжных новинок

Заказ можно оформить круглосуточно на нашем сайте

или по тел.: **+7 495 772-95-90 *15295**

по рабочим дням с 10.00 до 18.00 мск

Возможна оплата банковскими картами и наличными,
доставка курьерской службой в 300 городов России
или получение в пунктах самовывоза в 49 городах

id.hse.ru

Уважаемые читатели!

Приглашаем посетить сайт

Издательского дома

Высшей школы экономики по адресу:

id.hse.ru

На нашем сайте вы найдете каталог книг и журналов, информацию о новинках и планах на будущее, отрывки из книг, рецензии и многое другое.

Также на сайте размещена полная информация о том, где можно купить наши книги и как подписаться на журналы.

*Ждем вас круглосуточно,
каждый день!*

Всё о наших изданиях

id.hse.ru/books

id.hse.ru/catalogue

Отдел реализации

тел.: +7 495 772-95-90

*15296, *15297

e-mail: bookmarket@hse.ru

Интернет-магазин

id.hse.ru/shop

Университетский книжный магазин «БукВышка»

Москва, ул. Мясницкая, 20

тел.: +7 495 628-29-60

id.hse.ru/bookshop

e-mail: books@hse.ru